

18+

Как лечится Любовью

КНИГА ПЕРВАЯ

*Любовь
Карабут*

Любовь Карабут

Рак лечится ЛЮБОВЬЮ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69220456

ISBN 9785005988447

Аннотация

Люба жила жизнью обычной советской женщины: работала, бегала по магазинам в поисках дефицитных товаров и занималась семьей. В этой круговерти житейской суеты она совсем не заметила, как к ней подкрался рак. Жизнь Любы превратилась в сущий ад, из которого больная, уставшая от жизни женщина искала выход и не находила его. И тогда она всерьез задумалась о добровольном уходе из такой неудачной жизни, даже стала его планировать. Но ее планам не суждено было сбыться: вмешался господин Случай...

Содержание

Посвящение	6
Благодарность	8
История от первого лица	11
История создания этой книги	15
Для кого эта книга	22
Отзывы	25
Отзыв	25
Отзыв	28
Отзыв	30
Отзыв	31
Отзыв	34
Глава 1	36
Глава 2	51
Глава 3	58
Глава 4	69
Глава 5	73
Глава 6	76
Глава 7	83
Глава 8	94
Глава 9	98
Глава 10	106
Глава 11	112
Глава 12	117

Глава 13	125
Глава 14	133
Глава 15	140
Глава 16	148
Глава 17	152
Глава 18	155
Глава 19	160
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Рак лечится Любовью

Любовь Карабут

Евгений Волдаев *Фотограф*

Гульнара Хайруллина *Корректор*

© Любовь Карабут, 2023

© Евгений Волдаев, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0059-8844-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Эту книгу я посвящаю своим родителям: Михаилу Андреевичу и Марии Гавриловне Прокопенко. В разные годы они оба умерли от рака. В возрасте около 30 лет эта страшная болезнь проявилась и у меня.

Мои родители

Но благодаря неиссякаемой любви и огромной внутренней силе своих родителей я смогла эту болезнь пережить. И не просто пережить, но и пробудить доставшуюся от них в наследство, свою внутреннюю энергию и заложенную ими, Любовь.

Покойтесь с миром, мои дорогие. Надеюсь на встречу с вами в царствие небесном в своё время.

Благодарность

От всего сердца благодарю всех, кто помог моей книге увидеть мир.

Благодарю свою младшую дочку Любашу, которая вдохновила меня на её написание.

Благодарю всех своих родных и близких, поддерживающих меня на этом непростом пути.

Благодарю Наташу Шипицыну, которая первая прочитала написанные мною, восемнадцать страниц. И с мокрыми от слёз, глазами, тихо прошептала:

– Люба, быстро пиши дальше и быстро издавай! Людям это очень надо!

Благодарю свою подругу Татьяну Чуревич, запоем прочитавшую весь мой шедевральный труд, и позвонившую мне среди ночи, тихо выдохнув в трубку:

– У меня нет слов... Срочно в печать!

Сердечно благодарю Гульнару Хайруллину, взявшую на себя труд коррекции текста. Поскольку писала я, что называется, взахлёб, на ошибки особого внимания не обращала. А их было более, чем достаточно. Терпеливой Гуле было чем заниматься ни одну неделю).

От всей души благодарю всех, кто нашёл время, желание и силы для написания отзыва. Это – мои коллеги в области естественного оздоровления: Игорь Николаевич Афонин

и Галина Анатольевна Шияневская.

Костя Суханов для меня не только коллега в новой для меня сфере аудиозаписи книг, но и в какой-то степени – мой наставник в этом непростом деле. Спасибо тебе за это огромное, Костя!

Благодарю Аннушку Терехову, которая научила меня оттачивать и использовать такой уникальный и всегда доступный инструмент, как собственный голос.

Благодарю Райхану Мурзаеву, своего технического помощника, за неоценимую поддержку в таком трудном для меня вопросе, как монтаж видео- и аудиоматериалов, и за активное участие в продвижении моей книги через свой канал.

От всей души благодарю всех своих друзей, подписчиков и просто гостей моей странички ВК, которые оставляли свои честные, заинтересованные, и, часто, одобряющие комментарии под опубликованными отрывками из книги, и под моими постами о работе над ней.

Хочу выразить искреннюю признательность своему названному сыну, Александру Бажукову, за бесценную поддержку в бытовой сфере жизни: уход за моими многочисленными животными (их выгул, кормление и лечение). Твоя помощь, Саша, помогла мне высвободить достаточно времени для работы над книгой. Спасибо тебе за моральную и финансовую поддержку в непростые минуты сомнений и растерянности.

Благодарю своих четвероногих друзей за вашу безуслов-

ную любовь и искреннюю преданность. За чуткость и поддержку своим тихим мурлыканьем, говорящим взглядом и молчаливым участием. В самые тяжёлые минуты только вы одни были рядом со мной: шершавым языком слизывали мои горькие слёзы, острыми коготками делами мне успокаивающий массаж, бодрым вилянием хвоста придавали мне силы и мотивировали на дальнейшие действия.

История от первого лица

Дорогой читатель, здравствуйте! Давайте знакомиться! Меня зовут . [Любовь Карабут](#)

Я – эксперт в области естественного оздоровления и омоложения, инструктор оздоровительной йоги и лечебной физкультуры, массажных дел мастер, а так же медицинский психолог.

Мой профессиональный путь начался более 30 лет тому назад с решения собственных проблем.

А они появились на белый свет вместе со мной. Я родилась калекой. Так сказала принимающая меня акушерка: моя левая ступня была сжата в кулачок.

Самоотверженные усилия моей мамы и знаменитого на весь Донбасс, профессора, бывшего военврача, дали свои плоды: ступню удалось раскрыть, и ближе к трем годам я смогла самостоятельно ходить и иногда даже бегать с соседской ребятнёй.

Но внутри меня вместе со мной росло тупое убеждение в том, что я – человек второго сорта, невезучая и несчастливая калека.

И это невидимое глазу, состояние, как магнит, притягивало ко мне жестоких, непорядочных и расчетливых людей. Они унижали и оскорбляли меня, причиняя тем самым сильную душевную боль, и заставляли еще больше верить в то,

что ничего хорошего в этой жизни я не достойна.

Не сумев найти опору внутри себя, я бессознательно искала ее в других.

Подсознательная программа, заложенная при рождении («женщина – источник опасности, а мужчина 30 лет – источник защиты и любви») сделала свое дело: я вышла замуж за человека старше меня на 30 лет.

И очень скоро начались проблемы со здоровьем, увеличиваясь в геометрической прогрессии год от года.

Первые признаки неблагополучия: женские болезни и ощутимая прибавка веса. Ситуация значительно ухудшилась после рождения третьего малыша: появилась гипертония второй степени, порок сердца, гастрит, колит, выросли кисты на яичниках... А ещё через пару лет приговор врачей – онкология.

К тому времени мой вес уже достиг 100 кг.

Вначале я искала помощи у врачей, и свято им верила.

Но по мере ухудшения своего состояния стала сама искать выход: перепробовала массу диет, голодала, изнуряла себя физическими нагрузками... Но, несмотря на все мои усилия, количество новых болезней стремительно росло, а вместе с ними рос и вес.

Надо ли говорить, что моя жизнь превратилась в сплошной кошмар: стационар весной и осенью... Угрызения совести перед мужем и детьми, ощущение себя старой, уставшей от жизни женщиной, загнали меня в полный тупик, из кото-

рого я не находила выхода.

И тогда я всерьёз задумалась о добровольном уходе из жизни и даже стала его детально планировать.

Всё изменил господин Случай: судьба подарила мне встречу с моим первым учителем и наставником – Михаилом Борисовичем Томбаком. Это было уже в далёком, 1989 году.

Именно благодаря ему, я «проснулась» от глубокой спячки, в которой пребывала все эти годы. И там, в моем иллюзорном мире, в моих болезнях, страданиях и проблемах были виноваты все, кроме меня. А я была лишь жертва обстоятельств.

Пересмотрев свою жизнь, изменив отношение и к себе, и к окружающим, я стала осознанно творить себя заново. Ежедневные оздоровительные практики и АБСОЛЮТНАЯ, ДЕТСКАЯ вера в успех сделали свое дело: уже через пару месяцев исчезла онкология, (что подтверждено клиническими анализами), постепенно стали уходить лишние килограммы. А через год исчезли оставшиеся болезни, нормализовался вес: он снизился до 60 кг. В этом весе я живу и по сей день...

С тех пор я стараюсь не спать, а жить осознанно: очень тщательно, как бы со стороны, наблюдаю за своими мыслями, чувствами, поведением. И если понимаю, что они разрушают меня, разрушают отношения с окружающими меня людьми и миром, тут же стараюсь их менять. А это порой, бывает ох как, нелегко.

А еще с тех пор я настойчиво продолжаю совершенствоваться, ибо пределу этому, как известно, нет.

И с тех самых пор, как я проснулась, я делюсь с людьми своим личным и профессиональным опытом и знаниями. И книга «Рак лечится Любовью» – еще одно тому подтверждение.

Читайте ее, применяйте проверенные десятилетиями, оздоровительные практики, цените свою жизнь и, Того, Кто ее вам Дал.

История создания этой книги

Идею написания этой книги мне подсказала моя младшая дочка, Любашка.

Моя младшенькая

Несколько лет назад она приехала ко мне в гости, и мы разговорились на тему ближайших жизненных планов.

Я рассказала о том, что работаю над созданием новых тренингов и оздоровительных программ, осваиваю новые виды массажа и телесно-ориентированной терапии, набираю группы на свою любимую оздоровительную йогу, и по-прежнему, планирую продолжать индивидуальную работу с клиентами.

Внимательно слушающая меня дочка ненадолго замолчала. А потом очень серьёзно сказала:

– Мама, всё это – очень хорошо. Но таким образом ты сможешь помочь десяткам, ну в лучшем случае, сотням человек. А ты со своим богатейшим опытом реально можешь помочь тысячам и даже миллионам. Тебе надо срочно писать книгу!

Её слова побудили меня крепко задуматься. Действительно, моя мудрая дочка была абсолютно права.

При всей своей кипучей энергии и при полной загруженности в лучшем случае, я помогу сотням. А профессионального опыта, знаний и навыков за более, чем тридцать лет практики, накопилось столько, что одной жизни точно

не хватит, чтобы все их отдать этому миру.

И я села за работу.

Скажу честно: это было одновременно и легко и тяжело. Легко оттого, что совсем ничего не надо было придумывать. Я вспоминала свою жизнь и просто описывала её.

Тяжело же было оттого, что я в который раз пропускала через себя воспоминания о своём таком непростом прошлом. И в который раз убеждалась в лживости такой известной фразы, наверняка, и вам хорошо известной: время лечит.

Нет, не лечит. Время хитро прячет все наши разбитые мечты и несбывшиеся надежды, все наши незалеченные раны, в самые дальние, потаённые уголки наших искалеченных душ. И порой, в самое неподходящее время, в самых неуместных ситуациях вдруг поднимаются на поверхность и выливаются горькими слезами или бурными скандалами.

И мне опять было больно и горько, и я опять плакала, когда выливала на чистый лист компьютерного экрана свою одновременно такую трагичную и такую фантастичную историю.

А ещё я радовалась, радовалась за себя.

За то, что смогла переплавить ту боль безысходности и отчаяния в смирение, успокоение и уверенность. А ещё – в благодарность. Благодарность Богу за то, что он меня провёл через эти нелёгкие испытания: через болезни и утраты, через предательство и безнадежность.

Когда всё это со мной происходило, я вопрошала к Богу:
– За что?! За что наказываешь?!

Сейчас же я очень хорошо знаю, что Он совсем и не думал меня наказывать. Господь таким образом меня лечил.

Лечил от запредельной гордыни и махрового эгоизма, от пребывания в своих розовых мечтах и сладких иллюзиях, от накопленных годами обид, вины и страха. И эту, тогда неизлечимую болезнь по имени рак, Господь послал мне для исцеления моей глубоко больной и несчастной, души.

А все люди, которые оказались рядом со мной были лишь инструментами в Божьих руках.

Всё, что написано в книге – полная, порой некрасивая, голая, правда.

Мне потребовалось почти два года, чтобы вылить на бумагу историю своего исцеления.

А потом – ещё почти столько же, чтобы вплотную приступить к её изданию. Я просто не знала с чего начинать.

Понимая, что сама не справлюсь, стала искать знающих людей, специалистов в этой области. А кто ищет, тот, как известно, находит.

Нашла и я. Прошла кучу вебинаров у именитых и знаменитых редакторов и их коллег. В голове постепенно появилась ясность и чёткий план дальнейших действий.

Чтобы было удобно всем, кто захочет познакомиться с моей удивительной историей, решила выпустить книгу во всех возможных форматах: бумажном и электронном.

Хорошо понимая состояние большинства своих сограждан, с утра до ночи занятых бесконечными делами, я решила ещё и озвучить книгу, чтобы была возможность её слушать в удобное время в удобном месте.

Вопроса кто это будет делать, у меня вообще не возникало: и козе было понятно, что это – только моя задача.

Чтобы поставить голос, прошла обучение у замечательно-го тренера и прекрасной женщины, Анны Тереховой. С большим трудом заказала по интернету и закупила нужную аппаратуру. Но... в связи и со своими частыми отъездами, я записывала свою первую книгу на самый простой петличный микрофон в самой обычной комнате жилого дома. Именно поэтому, возможно, кроме моего голоса, вы сможете услышать и другие звуки: шуршание шин проезжающей машины или очень похожую на метроном, капель, что падает из многочисленных кондиционеров за окном...

Надеюсь, что это лишь внесёт в мой рассказ вкус нашей такой естественной повседневной жизни.

Ну а если для вас принципиально важно именно качество звука, тогда наберитесь терпения и ждите, когда у меня появится возможность делать свои записи в профессиональной студии.

Несколько слов о самой книге.

Я очень затрудняюсь определить её жанр, потому, что она очень многогранна.

Автобиография – да. Мемуары – без сомнения. Психоло-

гия – конечно. Художка – и она тоже. Здесь вы найдете любовь и мелодраму, трагедию и ужасы, мистику и тайну.

Вместе со мной вы пройдёте по пути самопознания, узнаете секреты разрушения и созидания собственного здоровья.

А ещё вы сможете совершенно самостоятельно пользоваться теми простыми способами самопомощи, которые мне были тогда открыты, и которыми я успешно пользуюсь до сих пор. Этим практикам я обучаю практически всех своих любознательных и благодарных клиентов. И люди вполне успешно ими пользуются в случае необходимости.

Когда книга наконец-то родилась, возник вполне законный вопрос: как же назвать такого долгожданного, в муках выношенного, ребёнка?

Ответ, как это часто со мной бывает, я услышала во сне. Хорошо знакомый мне голос произнёс совершенно чёткое название: «Когда я проснулась».

И я полностью согласилась с такой версией: ведь она целиком и полностью соответствовала действительности. Но... с небольшими пояснениями: именно моей действительности и поэтому была понятна только мне.

А я хотела, чтобы абсолютно любой человек, прочитавший одно только название, сразу же понял, о чём, зачем и для кого всё это написано.

И тогда пришло другое название: «Рак лечится Любовью». Думаю, что это название более конкретно отражает саму суть написанного. Хочу внести маленькое, но очень важное пояс-

нение-дополнение: Любовь здесь – это внутреннее состояние человеческой души (а не мое имя), которое лечит не только рак, но и любые другие болезни.

Поэтому эта книга будет полезна любому человеку, желающему вернуть себе утраченное здоровье, и готовому активно участвовать в этом непростом, и, одновременно, очень интересном и увлекательном, процессе.

Поскольку книга получилась очень большая, я решила разделить её на две части.

Название у обеих частей одно, а вот подзаголовки – разные. В данный момент я их как раз и дорабатываю, «допиливаю», нет, выбираю чисто женский вариант, подсказанный одной из моих друзей, вернее, подруг, ВК: я его довызываю))).

А вы можете в этом поучаствовать, за что я буду вам очень признательна и благодарна.

Смысл подзаголовка первой книги должен вполне конкретно отвечать на такой традиционный русский вопрос: кто виноват? или откуда берутся все наши болезни и проблемы?

Смысл же подзаголовка второй книги должен вполне логично отвечать на второй извечный русский вопрос: Что делать?

Так что думайте вместе со мной, думайте лучше меня, и присылайте свои версии. А я обязательно отблагодарю вас бесплатной получасовой консультацией по видеосвязи.

Для кого эта книга

Хочу вас сразу предупредить: эта книга далеко не для всех.

И чтобы вы не теряли своего времени даром, хочу внести ясность в этот вопрос.

Извините за кажущуюся нескромность, но в первую очередь, я написала её для себя и своих близких.

Я очень надеюсь, что когда мои дорогие девчонки будут готовы взять весь мой непростой опыт и применить его к своей жизни, то они это сделают. А потом поделятся им со своими детьми, внуками и правнуками

Я очень хочу после своего ухода в вечность оставить свой добрый и такой нужный многим, след на нашей многострадальной земле. И я хочу, чтобы этот след указывал путь и давал надежду тем, кто её потерял.

Эта книга для тех, кто целиком и полностью разочарован в жизни, в людях и в себе, кто отчаянно ищет выход из тупиковой ситуации и не находит его.

А ещё эта книга написана для тех, кто потерял опору и надежду в этой жизни, кто не знает, кому и чему верить, зачем жить и за что держаться.

Эта книга и для тех, кто серьёзно болен и ходит по врачам, в надежде найти и причину своего нездоровья и способ от него избавиться.

А ещё эта книга для тех, кто настолько устал от боли, страданий и безысходности, что готов прямо сейчас свести счёты со своей никчемной жизнью.

Эта книга и для тех, чьей жизнью безраздельно правят их безудержные, неконтролируемые эмоции.

А ещё эта исповедь адресована тем, кто во всех своих бедах винит всех подряд, но только не себя.

Этот мой труд для тех, кто считает себя жертвой обстоятельств и даже не пытается нести ответственность за свою собственную жизнь.

А ещё этот роман адресован тем, кто ждёт ребёнка и страстно хочет, чтобы он родился здоровым и счастливым.

Я написала этот учебник жизни и для беременных женщин. Ведь от того, как и в каком состоянии будет прожита беременность, очень во многом зависит не только здоровье родившегося малыша, но и вся его дальнейшая жизнь.

Мой отчаянный крик адресован и тем будущим мамам (а в наше время – и папам), которые совсем не понимают, как важно уметь самостоятельно управлять процессом собственных родов, как важно помочь своему ребёнку мягко пройти весь страх и ужас пути на этот свет, и как важно встретить своего долгожданного малыша с любовью и нежностью.

Эта откровенная исповедь – для молодых мам, пап и бабушек.

И это – мой призыв к ним переосмыслить и отказаться от самого травмирующего и вредного мифа о том, что ново-

рожденного малыша надо как можно реже брать на руки.

Своей историей я призываю их осознать всю важность этого неповторимого периода: от рождения и до года. Только в это особое время, живя в тесном телесном контакте с мамой, папой, бабушкой (дедушкой) малыш сможет наполниться, напитаться любовью, чувством защищённости, безопасности, и вырасти здоровым и полноценным.

Это сокровенное признание тем, кого предали и оставили самые близкие и дорогие люди, кто чувствует себя одиноким, ненужным и неправильным.

Эта книга адресована и тем, кто хочет навсегда обрести Бога в своей душе и жить с Ним, и в Нём.

А ещё я написала эту книгу для тех из вас, кто полностью берёт ответственность за своё состояние на себя, хочет и готов его изменить, но совершенно не знает, с чего ему начать.

Всё что я написала, я написала в надежде на ваше понимание давно известной истины: мысль материальна. А это значит, что если вы измените свои мысли, вы измените и всю вашу жизнь.

А я вам в этом непременно помогу.

ОТЗЫВЫ

ОТЗЫВ

Галины Анатольевны Шияневской

Простота и величие, предельная честность и глубина, открытость и смелость быть собой – пожалуй, главные черты Любви Михайловны. А высочайший профессионализм в сочетании с отзывчивостью и человечностью делают эту скромную женщину поистине редким и уникальным специалистом своего дела. Это я почувствовала сразу же, в первые

минуты, нашего с ней знакомства.

А книга «Рак лечится Любовью» – пронзительная история её становления. Мне она напомнила добрую сказку со счастливым концом, сказку о гадком утёнке. Уверена, она может помочь всем, кто тоже хочет стать прекрасным лебедем.

А ещё я считаю это произведение популярной книгой по психосоматике. Где не сложными медицинскими терминами, а простым человеческим языком описаны причинно-следственные связи между состоянием духа, души и тела. А ещё это – практически пошаговая инструкция к действию.

Думаю, что после прочтения этой потрясающей книги, трудно будет оставаться прежним. Наверняка появится желание пересмотреть и свою жизнь, и свои мысли, и свои чувства. А пересмотрев, очень многое изменить.

Изменить для того, чтобы вернуть утраченную радость жизни и укрепить пошатнувшееся здоровье.

А простые практики, описанные автором, помогут вам на этом пути.

Удачи вам!

С уважением,

Галина Анатольевна Шияневская,

врач гомеопат и терапевт (опыт работы – более 40 лет),

наблюдательный член профессиональной психотерапевтической лиги.

тел. +7 918 937 12 07

WhatsApp

<https://vk.com/id474040060>

Отзыв Райханы Мурзаевой

Мне очень повезло: однажды вечером мне довелось услышать эту важную главу. Она была для меня очень близкой и родной, я почувствовала всё на себе, поняла смысл каждого слова, сказанного Любовью Михайловной.¹

Знаете, даже пустила слезу: глава была очень трогательной для меня.

Всё потому, что у меня в детстве была похожая история и ситуация.

¹ Речь идет о первой главе книги (примечание автора).

Вообще, мы очень похожи с Любовью Михайловной. Когда мы общались лично, я нашла для себя много общих черт, как в характере, так и в жизни.

Я очень жду, когда уже наконец-то выйдет эта книга, и я смогу прочесть её в полном объёме.

Уверена, что эта книга повлияет на меня и на мою жизнь.

Райхана Мурзаева,

технический помощник автора,

ведущая истаргам-аккаунта @kino_tvх

https://vk.com/raya_mrr

тел.+7 952 821 48 91, WhatsApp, Telegram

Отзыв

Игоря Николаевича Афонина

Книга открылась! Читаю взахлеб! Не просто интересно, но и чрезвычайно полезно читать каждому, кто хочет стать здоровым.

Думаю, что Ваша книга поможет понять каждому больному, даже так называемой НЕИЗЛЕЧИМОЙ БОЛЕЗНЬЮ, что их жизнь в ИХ СОБСТВЕННЫХ руках. И, чтобы стать здоровым, заболевший должен полюбить эту ЖИЗНЬ и СЕБЯ в ней.

Автор шести книг по восстановлению здоровья:

«Сними очки за 10 занятий», «Один день в деревне» и др.
Издательство «Питер».

Специалист по здоровью сберегающим технологиям.

тел. +7 992 289 32 46,

WhatsApp

E: mail: igo-afonin@yandex.ru

Отзыв Кости Суханова

Здравствуйтесь, уважаемые читатели (слушатели) аудиокниг.

Меня зовут Костя Суханов, я – профессиональный актёр театра и кино, а также кто-то меня знает как декламатора аудиокниг, стихов и т. д. Простыми словами – диктора.

Сегодня я не смог отказать себе в том, чтобы не поделиться своими эмоциями и переживаниями, которые испытал, ознакомившись с произведением «Рак лечится Любовью», вышедшем из-под пера Любови Карабут.

Для меня особенно ценным оказался факт того, что Любовь Карабут – озвучила это автобиографическое произведе-

дение лично – тем самым оно кажется ещё более личным и честным.

Именно в формате аудиокниги создаётся незабываемое впечатление... Как-будто друг в разговоре по душам поведал вам свою тайну. Причём, тайну самую важную – открыв нараспашку душу и честно, от слова «совсем».

Не каждая женщина сможет откровенно говорить о том, как пришла к весу в 100 килограмм, как приобрела огромное количество болезней и самую поганую, поганую в силу своей неотвратимой смертельности, болезнь.

Рак – болезнь приговор. Как дошла до состояния той степени, что, невзирая на греховность и противность самой природе живого существа – хотела отнять у себя жизнь. Скажу проще покончить с собой – совершить самоубийство.

И... Предельно откровенно Любовь говорит о том, как готовила свою смерть, как, приняв это решение, собирала себя в последний путь... Страшно, дорогие друзья. Страшно подумать. Страшно представить себя в этих обстоятельствах.

Писательница Любовь Карабут не испугалась и открыла нам эти моменты своей жизни – озвучила своим голосом, рассказала, как близким друзьям. А самое важное – то, что она не совершила этот страшный шаг и рассказала всем нам, КАК ей удалось победить!

Книга называется «Рак лечится Любовью». Любовь побеждает всё! Познакомившись с первой книгой, а затем, прочитав и вторую – я в этом убедился.

Я хотел донести до вас лишь свой отзыв и в восхищении, на эмоциях – боюсь разболтать лишнего.

Вы должны узнать эти книги лично, и я не имею права лишать вас этого удовольствия. Очень рекомендую. Первую книгу – Любви Карабут «Рак лечится Любовью» и продолжение, конечно.

Рекомендую в любом варианте – читать в электронном виде, в бумажном варианте и, конечно, слушать аудиокнигу в исполнении автора.

С любовью и уважением, Костя Суханов.

<https://vk.com/kostyaakter>

т.8-901-715-27-88, WhatsApp, Telegram

Отзыв Анны Тереховой

Совсем недавно я услышала от врача одно слово. Оно заставило меня испытать неведомые раньше эмоции. Горечь и ужас, бессилие и страх...

Это слово «смиритесь!», а ещё – «ничего нельзя сделать»...

Это всегда случается «вдруг».

И ты готов отдать любые деньги, чтобы вылечить, сделать всё, что угодно, чтобы «отмотать назад» и предотвратить. Книга Любви нужна именно в такой момент! Когда рыдаешь и не знаешь, куда бежать.

Книга о том, что бежать надо недалеко – к себе.

Эта книга, написанная сердцем, не просто даёт надежду, а представляет руководство к действию. Но не к «борьбе», а к исцелению и новой жизни.

Жизни, где правит осознанность и ЛЮБОВЬ! Книга не только про рак, а про профилактику любых психофизических нарушений.

Она – для всех).

Любовь, спасибо!!!

Анна Терехова.

Актриса, тренер курсов по ораторскому мастерству и мама, которой детский врач сказал «смириться!»

https://vk.com/sell_by_voice

<https://vk.com/im?sel=24620874>

Telegram

Клуб БРИЛЛИАНТОВЫЙ ГОЛОС

Глава 1

Ах, эти муки родовые...

или здравствуй, белый свет

Тишина вдруг исчезла, и до моего уха донеслось несметное количество звуков. Кто или что их издавало, я не знала, просто слушала.

Звуки близкие, совсем рядом – ух-ух, да нет же, это внутри меня. Это – звук моего дыхания! И четкое ощущение движения воздуха: прохладный, он входит через нос и движется куда-то вниз, опускается к саднящему болю пупку, а потом, теплый, согретый, выходит наружу. Лёгкие раздуваются, как кузнечные меха: на вдохе раскрываются так, что кажется – вот-вот лопнут, а на выдохе медленно спадают и становятся похожими на два сдутых воздушных шарика. И при этом издают забавные звуки, напоминающие глухое уханье ночного филина.

В груди слышится: тук-тук-тук – это стучит сердце.

Странные звуки более отдалённые: чирик-чик-чик, чив-чив-чик – это на улице птички поют и радуются.

Так-так-так: ветка черёмухи стучит в окно. Через открытую форточку вливается насыщенный осенний запах листьев, травы, земли.

И еще что-то шкварчит и шипит за дверью моей комна-

ты, и невообразимо вкусные ароматы заползают через щелку между полом и дверью. И я с упоением впитываю их: мама готовит обед.

По закрытым глазам ударил яркий свет. Я хотела их чем-то защитить, но руки не двигались, они были плотно прижаты к моему телу пелёнками. Открыла глаза – и прямо перед собой увидела белый потолок, столб солнечного света, льющегося из окна. И в нем играли, танцевали миллиарды пылинок-соринок, опускаясь вниз и опять поднимаясь вверх.

Обвела глазами вокруг – все белое: стены, окно и занавески на нём. А больше ничего увидеть не смогла: моя голова была словно в шлеме, надёжно завернута в чепчик.

Стало тревожно и страшно. Где я? Ответа не было. Однако окружающее пространство было дружелюбным, и я успокоилась.

Откуда я взялась? Меня не было, и вдруг я появилась. Откуда? Я опять закрыла глаза и стала вспоминать...

Вокруг – тёплая мягкая волнующаяся Вселенная. К моему телу прикасается плотная влага, лаская каждую мою клеточку. Каждое моё движение меняло всё вокруг: возникали волны, и я колыхалась (нет, не на них, а в них), в этих волнах. Прямо из середины моего тельца выходил прочный канатик и уходил куда-то в неизвестную даль. Мне нравилось дёргать за этот канатик, висеть на нем, качаться и резвиться.

Когда я это делала слишком долго, откуда-то снаружи доносился мягкий усталый голос: «Ну когда же успокоится этот

ребёнок? Просто бесёнок какой-то».

И вдруг мягкое тепло рук моей матери достигало меня, и я успокаивалась и засыпала.

Просыпаясь, находила массу интересных занятий.

Осознание того, что я есмь, толкало на изучение своего домика. Я с интересом рассматривала свои ручки, изучала маленькие пальчики и завитки на них. К моему огромному изумлению на левой и правой ладонке они были разные.

Кроме ручек у меня были еще и ножки, которые я тоже любила изучать, рассматривать, трогать, гладить. А иногда с великим удовольствием, засунув большой пальчик в рот, я с упоением его сосала. У него был приятный вкус... Иногда мне нравилось сосать пальчик на ноге – тоже ничего.

Трогая ручками свое личико, удивлялась тому, как может открываться ротик, двигаться язычок, пробуя на вкус волшебную жидкость, в которой я жила.

На моей голове что-то росло: немножко колючее и приятное. А на самой макушке была маленькая впадинка. Она двигалась, дышала и через неё я часто слышала голос Того, Кто меня создал.

Он мне рассказывал о моих родителях и старшем брате, о том, какая жизнь меня ожидает после того, как я покину этот замечательный мир.

Он показывал мне картины будущего, а я с интересом и вниманием смотрела и слушала.

Иногда становилось страшно: и оттого, что меня ждет

в другой реальности, и от дороги туда. Но больше всего становилось страшно и тревожно потерять связь с моим Создателем и Отцом.

Здесь Он всегда со мной, даже когда я сплю. А как же без Него там, в мире полном опасностей и невзгод? Он говорил, что и там не покинет меня, и всегда будет помогать, даже если я и забуду Его или потеряю с Ним связь. А ещё Он сказал, что я Его обязательно должна найти, если потеряюсь.

И чем больше я узнавала про свое будущее, тем сильнее я хотела остаться там, где была сейчас.

Мой мир не всегда был спокоен.

Иногда до меня доносился громкий мужской голос, и тогда я начинала волноваться и беспокоиться, чувствуя волнения и тревогу своей мамы.

Её сердце начинало бешено колотиться, и его удары отзывались болью в моих ушах.

Иногда я ощущала резкие толчки и удары извне, как будто кто-то хочет меня ударить. И тогда я пыталась найти укромное местечко и спрятаться от этого ужаса.

Также я слышала и умягающий женский голос, голос моей мамы. Она уговаривала отца успокоиться ради ребенка, т.е., ради меня. Ещё некоторое время была слышна перепалка между родителями, мамин плач и всхлипы, а потом наступал покой и тишина.

Так повторялось регулярно. Как сказал бы взрослый: дважды в месяц, в дни аванса и полочки.

А однажды это повторилось вне плана: давали премию.

И отец пришел домой «на рогах», к тому же с товарищами по работе. И, конечно же, мама попросила их уйти. И тут началось...

Громкие крики, стук падающих стульев, звон разбитой посуды...

Мой мир резко заколебался и стал куда-то уплывать вместе со мной. Вода стала бурлить, и, если были бы берега, обязательно вышла бы из них. Невидимая сила бросала моё тельце из стороны в сторону, и оно содрогалось всё сильнее.

Страх парализовал мою душу, и вдруг сильная боль пронзила ступню левой ноги. Что происходит??? Боль, удивление, ужас, возмущение, негодование.

И ещё раз все повторилось. Боль в ножке стала такой сильной, что я просто отключилась...

А когда пришла в себя, мир вокруг опять был спокоен и тих. Извне доносился тихий голос мамы, ее руки гладили живот и спокойствие опять наполнило меня.

Я решила осмотреться: все ли на месте после бури? Ручки-ножки на месте? На месте. Только вот левая выглядит как-то странно. Пальчики оказались рядом с пяточкой, как будто я её в кулачок сжала. И было уж как больно.

«Отец не сдержался и избил маму. Со всей силы ударил и попал по животу. Как раз туда, где была твоя ножка», – сказал Бог.

– За что?

Мне было не понятно.

– И где был Ты? Почему не защитил нас?

Он помолчал, помедлил, а затем ответил:

– Тебе надо пройти через это. Потом сама поймешь зачем.

Так надо, – повторил Он.

Что ж, надо, значит надо.

Так и шло время: в общении с собой, в познании себя и мира через удивительные рассказы Бога.

Каждый раз, когда я открывала глаза, я видела, что места вокруг становится все меньше и меньше.

Моё тело ощущало, что мой мир уменьшается, а я сама – увеличиваюсь. Уже невозможно было свободно резвиться и играть, плавать в океане и бегать по облакам.

И чем дольше я жила, тем сложнее удавались развороты: моя голова упиралась во что-то мягкое и упругое, ножки и ручки пришлось подтянуть ближе к коленкам, чтоб хоть как-то помещаться.

Однажды мои занятия прервал Он.

– Вот и заканчивается твоё райское время. Ты уже готова к учебе и испытаниям, к поискам Любви и Истины. Всегда стремись вперед. Особенно, когда страшно и больно. Иди через боль и страх. Ты всё преодолеешь, ты найдешь всё, что потеряешь сейчас. Ведь Я – Всегда с тобой. И Я люблю тебя. Помни об этом, – еще раз повторил Он.

Каждая моя клеточка затрепетала, запела, наполнившись Его любовью и благодатью.

А в следующий миг я ощутила едва уловимый толчок снаружи. На душе стало беспокойно. Хотела спросить Его, о чём-то важном, но Он нежно поцеловал меня в лобик и исчез, растаял...

Вдруг все моё тело сжала какая-то неведомая сила. Боль пронзила от макушки до пяток, волосенки встали дыбом, нечем стало дышать.

– Боже, где ты? Что творится? И что мне делать? – вопило моё существо. Но рядом никого не было, и не было ответа на мой неслышный вопль.

Неожиданно всё прекратилось, я смогла сделать вдох и немного успокоиться.

– А может, мне это только показалось? Всё было так замечательно, тихо и спокойно, как в раю. Показалось, приснилось в страшном сне...

И в этот момент всё моё существо опять сжала неизвестная мне сила. Боль перемещалась по всему телу, стискивая каждую мышечку, проникала в каждую клеточку моего маленького перепуганного существа.

Невидимая петля сдавила шею и с каждой секундой затягивалась все сильнее и сильнее, не давая возможности дышать. От дикого ужаса мои глазёнки расширились, и из искривлённого страхом рта вырвался беззвучный крик о помощи.

– Отец, помоги! Спаси!

Тишина в ответ. И когда я почти лишилась сознания, пыт-

ки опять прекратились.

– Пока ещё жива, надо отсюда делать ноги! – молнией пронеслась мысль в моей детской головёнке. – Отдышусь, соберусь с силами и рвану.

– А куда я рвану? – спросила сама себя.

Стала ручонками шарить вокруг, пытаюсь найти выход. Тёплые, чуть неровные стенки моего домика опять стали сокращаться, неумолимо надвигаясь на меня отовсюду.

– Сейчас раздавят! Это конец! – билась в истерике шальная мысль.

– Давай, давай, спасай себя, ищи выход! – подбадривал внутренний, неизвестно чей голос. – А то так и умрёшь, не успеешь родиться.

Удивление, страх, злость стремительно меняли друг друга, давая мне силы для спасения. Упираясь ручонками и ножонками в ставшие враждебными стены такого мирного в прошлом домика, из последних сил сдерживала их натиск. И когда была готова сдаться, всё опять прекратилось.

Между нападениями взбесившегося домика заметила некую закономерность: они повторялись через определённые промежутки, как бы давая мне возможность отдохнуть и подготовиться к новой атаке.

Жадно дышала, как бы запасала впрок воздух, сжимала пальчики в кулачки, готовясь к новому нападению.

– ОЙЙЙ! Стены атаквали неожиданно, стремительно надвигаясь отовсюду. Удары обрушились на голову, спину,

грудь. Удар ниже пояса припечатал мой нежный животик к позвоночнику. Ножонки скрючились и коленки впечатались в лоб. Из глаз полетели искры. В ушах загудело.

В самом сердце жалость и беспомощность перерастали в возмущение и негодование.

– Вот я тебе сейчас задам! – крикнула неизвестно кому. Сжалась еще сильнее, а потом изо всех своих детских силенок одновременно ударила головой в потолок, ручками и ножками в сжимающие стены. Борьба за жизнь продолжалась, и продолжались поиски выхода. А его не было...

– Всё бесполезно. Все твои усилия тщетны. Что бы ты ни делала, всё без толку, – обреченно заголосил страх.

И когда я почти поверила этому нытью, тьма стала рассеиваться. И где-то за моей головой появился свет. Сначала едва заметный, он набирал силу и яркость, он сиял и звал к себе.

– Слава Богу! Там где свет, там и жизнь! Вперед, к свету, вперед, к спасению! – скомандовал голос и я рванула вперед.

Путь к свету был непростым, извилистым и трудным.

Нужно было пробивать дорогу макушкой, ничего не видя при этом, а доверяя внутреннему голосу, черпая силы в огромном желании выжить во что бы то ни стало. Упираясь локтями, коленями и пятками в теплое тело матери, я отчаянно ползла к выходу. Всё моё существо вибрировало, изгибался позвонок за позвонком, и все мышцы непрерывно двигались, неся меня навстречу спасению.

Снаружи доносилась масса звуков: чужие сердитые голо-

са, сдержанные стоны мамы, а внутри – бешенный стук её и моего сердец, сливающихся воедино.

Воедино сливались наша боль и страх, воедино сливалось отчаянное желание прекратить этот кошмар, сливалась и наша молитва к Отцу всемогущему.

С трудом протискиваясь по извилистому узкому, и казалось, бесконечному, тоннелю, я неожиданно для себя самой застыла: впереди была пропасть.

Ужас сковал тело, дыхание прекратилось, всё моё существо покрылось противным липким потом.

НЕТ! Я не хочу умирать! Я хочу жить! Ручонки отчаянно цеплялись за узкие скользкие стены, стопы упёрлись во влажный и подвижный потолок, подбородок вдавился в грудь.

Одна часть меня хотела остаться здесь, в своем доме, где я началась и созрела, где я укрывалась от бурь и невзгод внешнего мира, где мне было спокойно и надежно.

Другая часть меня рвалась вперед, понимая, что мой дом превратился в самую большую опасность, угрожающую моей жизни, и что он может стать моей могилой прямо сейчас.

Из двух зол я выбрала неизвестность. И так понятно – остаться здесь, значит – умереть. А выбраться отсюда, что значит? Не знаю! Выберусь, там и посмотрим.

Поглубже вдохнув и изогнув шею, резким движением толкнула голову навстречу неизвестности. УУУУУУ – пронзительно звенел воздух в ушах, подпрыгивало и тряслось всё

тело, в голове – пронзительная пустота, в душе – гремучая смесь восторга и дикого ужаса.

Стремительный полет в неизвестность закончился неожиданным ударом в многострадальную макушку.

Моя голова упёрлась в твёрдое препятствие, пальцы правой ноги с разбегу долбанули в лоб, а кулачок левой мягко цокнул рядышком, тельце тревожно сжалось и застыло. Тоннель закончился узким тупиком, стены которого сотрясались, угрожающе надвигались и сжимали меня с невероятной силой. Давление возрастало с каждой секундой. Ещё чуть-чуть и меня раздавит эта безжалостная живая ловушка.

Яркий манящий свет вернул меня в чувства.

– Ну, давай! Вперёд! Ты можешь! Я верю в тебя! Я люблю тебя! – такой родной и близкий голос всколыхнул моё сердце, вселил веру и побудил двинуться дальше.

Нащупывая выход, толкнулась макушкой вперёд. И упёрлась в твёрдую, непроходимую, как скала, кость. Головёнку со всех сторон сжимает все сильнее и сильнее, сердце бешено колотится, его удары отдаются везде: в горле и животе, в ногах и руках, в ушах и голове, дико стучит в груди и готово выскочить из неё.

Утыкаясь маковкой в препятствие, настырно исследовала каждый миллиметр.

Вдруг почувствовала малюсенькое углубление. Именно за ним, где-то вдалеке, маячил и звал спасительный Свет.

Впечаталась, воткнулась и рванулась вперёд. Просунув го-

лову наполовину, ощутила резкое сжатие. Кости моего черепа складывались вовнутрь, как вечерний цветок складывает лепестки, заводя их друг за друга. От пронзительной боли слёзы хлынули из глаз, и я поспешно втянула голову назад, не дожидаясь, когда её раздавит эта безжалостная сила.

Безутешно обняла головёнку руками, поглаживая и успокаивая себя одновременно.

– Соберись, скоро закончатся твои мучения. Впереди тебя ждет всё самое лучшее и светлое. Впереди – счастье!

– Сколько Ты мне будешь бессовестно врать и говорить всякий бред? Сколько еще будешь утешать на краю гибели? – возопила я.

Отчаяние и злость, страх и надежда, ярость и любовь слились в неизвестное доселе чувство. Несокрушимая внутренняя сила одним порывом швырнула меня вперёд.

Сначала макушка, а за ней и вся голова стремительно вышли наружу. Резкий свет ударил по глазам. С трудом различала движения и голоса незнакомых мне существ. Однако всё моё внимание было приковано к происходящему внутри. Моё существо отчаянно рвалось на свободу, вытворяя что-то невообразимое: разворачивались плечики, протискиваясь через узкую лазейку, в порыве страха ручонки намертво ухватились за стенки матки, увлекая их за собой наружу.

Голова, находящаяся снаружи, уверенно скомандовала:

– Всем вперед, на свободу!

И подчиняясь её приказу, все оставшиеся члены малень-

кого тельца вышли, вернее, выскочили, наружу.

Вместо ожидаемой свободы и безопасности, меня встретили чужие равнодушные руки, и их прикосновения причинили мне боль.

Быстрым резким движением чьи-то руки умело отсекали пупочный канатик, потом так же быстро наложили швы и прижгли зеленкой. Живот пронзила острая резь.

Холодный воздух заставил дрожать каждую мою клеточку и поставил дыбом каждый волосок; резкий свет ударил по глазам, многочисленные усталые голоса чужих людей привели меня в полное замешательство.

– Где же здесь такая долгожданная любовь и безопасность? Где же моя мама, с которой мы были вместе долгие месяцы?

Не было ответа на эти мгновенно промелькнувшие в моей голове вопросы...

Никому не было ни малейшего дела до того, что я испытывала в этот момент, чем я обеспокоена и что я переживаю. Каждый был занят своим делом...

Между тем внутри что-то было не так: возрастало напряжение и грудную клетку распирало все больше и больше.

Мои глаза стремительно увеличивались и готовы были выпрыгнуть из орбит. И тут чьи-то сильные руки схватили меня и перевернули головой вниз. И в следующий момент я почувствовала несколько сильных ударов по мягкому месту.

От боли и обиды я безутешно заголосила, и вместе с пер-

вым вдохом в мои лёгкие ворвался поток обжигающего воздуха. От такого стремительного натиска органы дыхания полностью раскрылись, и я испытала жуткую боль – верхушка обожженных лёгких умерла навсегда. И благодаря этой маленькой смерти я ожила.

– Почему ребенок кричит? Что вы с ним делаете? – до меня донесся такой знакомый и родной, тревожный материнский голос.

Не успев порадоваться в полную силу своему спасению, я ощутила, что меня передают из рук в руки.

– Поздравляю! У вас – девочка. И она у вас особенная. Богом отмеченная: в рубашке родилась! – это говорил молодой мужчина-врач, и в каждом его слове звучала и гордость, и любовь, и радость.

Покоясь на его руках, я чувствовала себя абсолютно спокойно и защищено.

В следующее мгновение доктор передал меня акушерке. Та меня внимательно осмотрела, увидела левую ступню, свернутую кулачком, и тихонько ойкнула. А потом, показав меня маме, негромко сказала:

– Ваш ребенок – калека. У вас с ней будет много проблем. Ещё не дослушав до конца, мама потеряла сознание.

А я сделала очень важные для себя выводы:

– Мужчина тридцати лет – источник любви. А женщина – источник опасности.

Как эти выводы повлияли на мою жизнь, вы узнаете, читая

далее.

Глава 2

Двадцать лет спустя

Мне неполных двадцать лет, и я – молодая мать-одиночка (так тогда называли женщин, родивших без мужа).

И мы с сынишкой живём в маленьком северном поселке. Вернее, в трёх километрах от него, в одиноком деревянном домишке на берегу озера. Мы занимаем одну из трёх комнат в трехкомнатной квартире. В остальных живут мои коллеги по работе: две девушки, приехавшие на метеостанцию по направлению.

Наша комната самая крайняя и самая холодная. Сырые дрова не горят, а преют. Вода в колодце всегда ледяная. А в моей голове одна и та же мысль: мне снова не повезло. Не повезло. И выхода нет.

Вовчик не вылезал из простуд, а потом пришёл бронхит, вслед за ним – пневмония. Поселковая больничка стала нашим вторым домом. Моё сердце стало давать сбои.

– Это всё – от нервов. Переживаешь слишком много, – успокаивал единственный поселковый уставший доктор с грустными глазами.

Пялясь в потолок, напряженно искала выход. Ведь он должен быть!

И когда нас пришёл навестить мой начальник, стала его

просить о помощи. Ведь если так пойдёт, я просто не смогу работать, а сынишка может не справиться и уйти...

Прямо с больницы мы переехали в общежитие. Это была огромная радость. Просторная тёплая комната, прямо на полу можно играть; большое окно выходит прямо на привокзальную площадь, где всегда происходит что-то интересное. Удобства: душ, умывальник и туалет на первом этаже, не на улице!

Мы с сынишкой

Вовчика пришлось отдать в круглосуточные ясельки: ночные дежурства вынудили.

А через некоторое время комендант общежития сообщила, что нас могут выселить, т.к. ожидается приезд большого количества командировочных.

Грустно размышляя над своей невезучестью, я поднималась по полутёмному коридору в свою комнату. И вдруг прямо носом воткнулась в чью-то большую и крепкую грудь. От неожиданности я вскрикнула, пальцы сами собой разжались, и прямо на пол с жутким грохотом посыпалась вымытая посуда.

– Тихенько, дивчинка, тихенько, – услышала приятный низкий голос и, подняв голову, увидела пронзительно голубые искристые глаза. Даже в полумраке они излучали какой-то особый свет.

– Давай-ка подмогну, – продолжал обладатель удивительного голоса.

И наклоняясь, мы вместе стали собирать черепки разбитой посуды. Получилась внушительная горка из бывших чашек и тарелок.

– Я сам вынесу, а ты ложки-вилки подбери, их стоит опять помыть, – сказал незнакомец, и мы вместе двинулись назад, к кухне. Справились мы быстро: черепки полетели в ведро, вилки-ложки помылись под краном.

– А теперь пойдём ко мне, – продолжал незнакомец.

Поймав мой вопросительный, немного испуганный взгляд, засмеялся:

– Не бойся, приставать не буду. Поделюсь с тобой посудой, ты ведь свою из-за меня разгрохала.

Его комната была небольшая, с двумя кроватями и столом. На столе – телефон, какие-то бумаги, записная книжка. Над столом – полки с посудой. В углу – шкаф.

По-хозяйски горочкой сложил тарелки, мне вручил чашки.

– Сгодится?

Я молча кивнула головой.

– Вот и ладно. Понесли посуду к тебе. Чаем-то напоишь? – спросил мужчина.

Я опять молча кивнула.

И уже сидя за столом напротив друг друга, я смогла его как следует рассмотреть.

Красивое, уже немолодое, породистое лицо, широкие брови, красиво очерченные губы, несколько большеватый нос,

и в довершении всего, копна полуседых, слегка вьющихся волос. Едва заметные морщины, идущие вниз от крыльев носа, придавали лицу очень мужественное выражение. Живые и по-мальчишески озорные глаза пытливо смотрели на меня.

Алексей Демьянович

– Меня Алексей Демьянович зовут, – сказал он.

– А я – Люба, – представилась я.

– Люба, Любушка, Любаша, – проговорил он. – Славное имя и редкое, ко многому обязывающее. Родители назвали?

– Нет, брат. Мама Ольгой хотела назвать, а брат условие поставил: или Любкой или он меня, как лягушку, за ножку с балкона выкинет. У всех его друзей были братья, и он братика ждал, а родилась, как говорил брат, девуха. В свои семь лет он любил девочку Любу, вот и настоял, чтоб и меня так назвали. Вот такая история с моим именем.

– А вы кто по профессии и чем в этой глуши занимаетесь? – в свою очередь поинтересовалась я.

– Строительством мы здесь занимаемся, на зимник приехали. Так что всю зиму будем вам глаза мозолить, – улыбнулся Алексей (так я его про себя назвала, без отчества).

– Да что вы! Это же так здорово! – невольно вырвалось восклицание. – А давайте мы с вами для работников метеостанции дом построим. А то мои девчонки комнаты снимают, а мы с сынишкой здесь живем. И то время от времени выселить грозятся.

Пристально взглянув на меня, спросил:

– Так ты что, начальник метеостанции?

– Да, пришлось принять эту должность: бывший начальник на пенсию ушёл, а его заместитель и по совместительству, дочка – в декрет. Так что теперь приходится все вопросы самим решать. Поможете? – не унималась я.

– Помогу, – подумав, ответил Алексей. – Звони, пиши в своё управление, получишь согласие начальства, а там и начнем.

С этими словами он поднялся и направился к двери. Я встала проводить гостя. Только сейчас, поравнявшись с ним, осознала, какой же он высокий. Моя голова была как раз напротив его плеча, и чтобы взглянуть Алексею в глаза, мне пришлось запрокидывать голову. В полумраке смутно уловила его взгляд. Он протянул руку:

– Спасибо за чай. И больше не бей посуду, а то вдруг меня рядом не окажется, – улыбнулся он на прощание.

Закрыла дверь на защёлку, поправила сбившееся одеялко у спящего сынишки и легла в свою постель.

Несмотря на позднее время, спать совсем не хотелось. В душе – буря чувств, в голове – рой мыслей. И самая важная, самая главная – надежда на то, что с помощью Алексея мы сможем построить Наш дом.

Прикрыла глаза и увидела рядом с метеостанцией новенький деревянный дом с высоким крыльцом и нарядными занавесками на окнах. Из трубы весело поднимается лёгкий дымок, из дома доносятся оживленные голоса... Все глубже

погружаясь в приятную дрему, незаметно для себя, уснула.

Глава 3

Врачебный приговор – рак

Я сидела на своей кухне. Одна. Мужа проводила на работу, деток – в садик.

И со всеми мысленно попрощалась и попросила прощения за то, что ухожу. За окном солнечное летнее утро, залиристо поют птицы, оживленно беседуют бабушки на лавочке, солнечные лучи скользят по моему равнодушному лицу и рукам, по свежееклеянным стенам и потолку...

Тихо так, что слышно, как стучит моё сердце. Взгляд упал на старинные часы, стоявшие в коридоре на трюмо. Восемь часов ровно.

– Вот сейчас всё и закончится, – спокойно-безразлично подумала я. – Так странно: меня не будет, а жизнь будет продолжаться, так же, как сейчас, будет светить солнце, и бабушки будут обсуждать очередную важную тему, будут бегать дети во дворе, и среди них – мои.

Живо представила эту картину. Мир без меня.

– Что ты чувствуешь? – задала сомой себе вопрос. – Какое-то тупое безразличие, смешанное со спокойствием и с облегчением. В своем воображении я была уже где-то далеко-далеко на белом пушистом облаке и с высоты взидала на дорогих мне людей.

– Тебе не жаль их оставлять? – ещё один вопрос себе.

– Уже нет. Думаю, им без меня будет легче.

За последние пять лет из молодой цветущей женщины я превратилась в старую, толстую, больную развалюху.

После рождения младшей дочери стремительно увеличился вес, и так же стремительно ухудшалось здоровье.

Холецистит, гастрит, ревматизм, порок сердца, гипертония второй степени, остеохондроз и многие другие болезни, как грибы после дождя, возникали в моем организме.

В городской поликлинике и больничке все врачи знали меня в лицо и по имени.

А с гинекологами мы практически стали родней.

Началось всё с безобидного воспаления придатков. Амбулаторное лечение вместо ожидаемого улучшения дало резкое ухудшение: появились кисты на яичниках. Постоянные боли, хождение по врачам, непрекращающиеся болезни детей сделали меня мнительной, раздражительной и плаксивой.

Не хватало сил на уход за собой, мой обычный домашний наряд – засаленный халат, вряд ли добавлял привлекательности в глазах мужа. И без того редкие интимные встречи с ним прекратились совсем. И лечь спать я старалась в детской, чтоб избежать лишних вопросов и объяснений.

После очередного осмотра мой лечащий врач внимательно посмотрела на меня и строго спросила, как часто я сплю с мужем.

Услышав отрицательный ответ, решительно посоветовала завести любовника. В противном случае (по словам всё того же врача) мне грозила очень незавидная участь: дальнейшее ухудшение женского здоровья и окончательный развал семьи.

Воспитанная мамой в духе уважения и верности по отношению к мужу, я испытала настоящий шок. Возмущение, негодование, растерянность, обреченность стремительно сменяли друг друга.

– Как же мне не везёт! И выхода совсем не видно, – грустно думала я.

Дела шли всё хуже. Амбулаторное лечение не давало положительных результатов, и тогда мне предложили лечиться в стационаре, у самого лучшего женского доктора города и района.

Вечером, дождавшись мужа с работы, всё ему рассказала. Тот, помолчав по своему обыкновению, согласился с тем, что стационарное лечение у такого светила, как Владимир Васильевич, может быть очень полезно. На вопрос, как он справится с тремя детьми, успокоил: «Дома и стены помогают»...

Весна. Месяц в больнице. Уколы, капельницы, процедуры. Больничная маята, вина перед мужем и детьми, надежда на выздоровление, бесконечная вера в великого и могучего В. В. Улучшение было, и хватило его до осени. Осенью – рецидив. Скорая, и опять больница. И всё по новому кругу.

И всё по нарастающей.

И так ещё долгие три года.

Весна, осень – стационар, а между ними – домашний ад с поисками выхода, прогрессирующей болезнью сына, с бесконечными болезнями девчонок-погодок и частыми скандалами выпившего мужа-ревнивца, кидавшегося то с ружьём, то с ножом...

Весеннее лечение подходило к концу.

Чувствовала я себя куда лучше обычного и радостно готовилась к выписке. Дома с нетерпением ждали истосковавшиеся по маме детишки и уставший от бытовухи, муж.

Ночью проснулась от острой боли в низу живота и сильного жара. Как в бреду по стеночке дошла до дежурной медсестры. Посмотрев на меня, та бросилась за врачом. Владимир Васильевич появился быстро, позвал в смотровую. Корчась от боли, едва сдерживала стон. Хмурое лицо врача не предвещало ничего хорошего.

– Сейчас сделаю укол, поспишь, а завтра поговорим, – не глядя мне в глаза, произнес Владимир Васильевич.

Я кивнула, приняла в вену какое-то лекарство и побрела в свою палату.

На следующее утро после обхода старшая медсестра попросила зайти в кабинет самого В. В. Всё это было как-то странно, и вызывало во мне неясную тревогу и беспокойство.

Робко постучавшись, вошла в кабинет. Владимир Васильевич стоял у окна, нервно стискивая свои крепкие руки.

Жестом пригласил сесть.

– Люба, вы ещё хотите иметь детей? – задал он совершенно неожиданный для меня вопрос.

– Конечно, нет! – воскликнула я. – Их у меня трое, и все не очень здоровы. Надо их до ума довести и на ноги поставить. А почему вы меня об этом спрашиваете?

Владимир Васильевич помедлил, подбирая слова, грустно вздохнул и, отводя взгляд куда-то вдаль, произнес:

– У нас отрицательная динамика.

Этот непонятный медицинский жаргон мне ничего не говорил. Только по печальному голосу, хмурому выражению лица и по слову «отрицательная» мне стало понятно, что дела мои не так хороши, как хотелось бы. Я напряглась, неотрывно следя за ним глазами, а он продолжал:

– Я посмотрел ваши анализы на цито. (О Боже, говорите же по-русски, – хотелось крикнуть мне в отчаянии). Они положительные. Нужна операция. Пока ещё не очень поздно. После операции рожать вы уже не сможете.

До меня потихоньку стал частично доходить смысл услышанного.

– Вы хотите мне вырезать женские органы? – наконец спросила я после длительной паузы.

– Другого выхода я не вижу. И ещё: мне необходимо поговорить с вашим мужем.

– Зачем же обсуждать женские темы с моим мужем? Я и сама ему всё расскажу, – наивно возразила я.

– Верю, и все ж, пусть сегодня перед вашей выпиской он ко мне обязательно зайдет.

– Вы меня выписываете?! В таком состоянии?! – изумленно прошептала я, с трудом выдавливая слова.

– Именно об этом я и хочу поговорить с вашим мужем.

Беспрепятственно позвонила с поста мужу, поймала на себе жалостливый взгляд дежурной медсестры и вернулась в палату. Соседки по койкам вопросительно смотрели на мое бледное растерянное лицо.

– Ну, что сказал наш В.В.? – не удержалась Татьяна, самая бойкая из всех четверых.

– Меня домой выписывают, – сказала я и неловко улыбнулась.

– Домой? – недоверчиво спросила Таня. – А что он еще говорил? – пыталась она.

И я рассказала его птичьим языком и про отрицательную динамику и про положительный анализ на цито.

В палате воцарила гробовая тишина. Тётя Надя ойкнула и уронила спицы. Лица у моих товарок вытянулись, глаза округлились, и все четыре пары глаз уставились на меня. Я ничего не могла понять, и только переводила взгляд с одной на другую, тупо спрашивала:

– Вы чего, девочки? Что случилось? Что же вы молчите?

Девочки растерянно переглядывались между собой, не решаясь заговорить.

Татьяна опомнилась первой.

– И не такое в жизни случается! Ты только не переживай, медицина у нас сильная, если облучение потребуется, соглашайся. У тебя организм молодой, справится. Еще сто лет проживешь, – затараторила она, нарочито весело натужно улыбаясь.

Слушала я весь этот бред и всё не могла взять в толк: что это за облучение, зачем оно мне надо и с чем должен справиться мой молодой организм.

Остальные женщины, как по команде, окружили меня, кто обнимал, кто заплакал, кто по плечу хлопал. И все наперебой уверяли, что я ещё долго проживу.

Всё это было настолько странно, что я не знала, что говорить и как себя вести. Стояла в кругу и тупо кивала головой, повторяя:

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет хорошо...

Спасла меня от одновременно сошедших с ума и так больных женщин, медсестра. Заглянув в палату, громко сказала:

– Карабут, собирайтесь. Вас ждет муж.

Быстренько подхватив нехитрые больничные пожитки, весело пожелав всем скорейшего выздоровления и выписки, поспешила к родному мужу.

– Уж он-то всегда в здравом уме и твердой памяти, – подумала я, – всё расставит на свои места.

Алексей ждал меня в конце коридора, нервно переминаясь с ноги на ногу. Его высокая, по-мужски красивая фигура, сгорбилась и стала меньше. И враз прибавилось седины

в его пепельной волнистой копне.

– Наверное, опять дети болеют, – успела подумать я, бросаюсь ему на шею.

– Здравствуй, дорогой мой! Как я соскучилась!

Обняв его, я почувствовала, как мелкой дрожью дрожит его большое тело.

– Наверное, соскучился, – подумала про себя и улыбнулась ему в подмышку.

– Пойдем домой, – наконец произнес муж неестественным глухим голосом. – Там обо всём и поговорим.

Лицо его было серое, как тогда, в Ираеле, когда он узнал об измене своей жены. Губы искривились и подрагивали.

– Да что же такое происходит?! О чём мой муж хочет поговорить? И почему он такой? – вопросы возникали один за одним, и не было на них ответа...

В полной тишине мы дошли до нашего грузовичка. Водитель Василий сдержанно улыбнулся мне, молча кивнул. До дома ехали в полной тишине.

Мне становилось всё неуютнее и тревожнее.

Дома тихо: дети ещё в садике. С трепетом прошла по комнатам. Подняла упавшую игрушку, посадила на полку. Муж топтался в прихожей.

– Любонька, ты пока в душ зайди, осмотрись, а я в магазин и за детворой.

– Ты же поговорить хотел, – напомнила я.

– Давай вечером, малых спать уложим и погутаим, –

не глядя мне в глаза, ответил муж. И поспешно скрылся за дверью.

Встреча была трогательной до слёз. Резвый топот маленьких ножек, крики «мама пришла, быстрее, к маме»! доносились ещё с первого этажа.

Вбежав в открытую дверь, сразу упали в мои раскрытые объятия. Все трое. Из моих глаз невольно брызнули слезы.

– Мамочка, ты что плачешь? – щебетали мои пташки, ласково глядя мои щеки и волосы.

– От счастья, что я опять с вами, мои дорогие, – ответила я, целуя маленькие ладошки, щечки, глазки родных детишек.

Наигравшись и накупавшись, послушав на ночь сказку, детвора уснула.

Плотно закрыв дверь, мы с мужем устроились на кухне. Я молча ждала, он собирался с духом. Тишина между нами была плотной и напряженной.

– Любаша, у тебя рак, – без всяких предисловий рубанул Алексей. – Владимир Васильевич настаивает на операции.

Кухня медленно поплыла, голова закружилась, перед глазами полетели «мушки», в ушах зазвенело. Всё тело вздрогнуло, как от грозового разряда.

Мои губы растянулись в несуразной улыбке.

– Какой рак? Что ты такое говоришь? Нет у меня никакого рака! – почти закричала я.

– Тссс! – муж приложил указательный палец к губам. –

Успокойся, детей разбудишь.

Помолчал, дал время прийти в себя. В долю секунды в моей голове из отдельных осколков сегодняшнего дня сложилась полная мозаика. Положительный ответ на цито, виноватый взгляд В.В., слишком радостные заверения женщин о моей долгой жизни, их испуганные огромные глаза, сгорбленная спина мужа...

Вот я дура!!! Все, всё поняли сразу, а до меня как до утки на четвертые сутки (так у нас в классе говорили).

Конечно, рак. Что же ещё? Ну вот, ответ на извечный русский вопрос: кто виноват? (дополню, в моих страданиях) я получила. Виноват рак.

Второй извечный русский вопрос: что делать? – остаётся открытым.

Глава 4

Что делать?

Возмущение, несогласие, отрицание, внутренний бунт – гремячая смесь чувств бушевали в моем сердце.

– Почему я? За что? В чем я провинилась? – вопрошала я кого-то невидимого, поднимая голову к небу.

Ответа не было...

А жизнь продолжалась. И надо было как-то жить, выполнять свои обычные ежедневные обязанности: ходить в магазины, готовить обеды-ужины, ухаживать за детьми, заботиться о муже и выполнять всё то, что должна выполнять жена и мать.

А делать вообще ничего не хотелось.

Хотелось лечь, закрыть глаза и больше никогда не вставать. Пришлось перейти на автопилот: все равно никуда не деться от своих близких, никуда не деться и от быта... Внутри что-то сломалось, и я стала похожа на робота. Однако чем бы ни были заняты руки, в голове отчаянно бился вопрос: «Что делать? Что делать????»

В редкие минуты, когда удавалось остаться наедине с собой, пересматривала журнал «Здоровье», искала и читала всё о раковых больных и их лечении.

«Ловила» эту же тему по телевизору, при случае её же

обсуждала с начитанной, всезнающей соседкой или с хорошей знакомой. Мужа старалась не трогать: он и сам переживал, хотя и не показывал этого. И втайне от меня занимался тем же: искал выход.

Голова раскалывалась от круговерти мыслей и вопросов без ответа. Между тем моё состояние начало ухудшаться: боли в низу живота возникали всё чаще и становились раз от раза всё сильнее; темнело в глазах, а по спине снизу вверх поднимался поток липкого пульсирующего тепла. Когда он ударял в голову, я мгновенно отключалась. А потом обнаруживала себя лежащей то в коридоре, то в комнате.

Мягко говоря, становилось не по себе. После таких «полётов» меня ещё долго преследовала слабость и дрожь во всём теле. Радовало то, что меня никто не видит – раз, да и в голове становилось необычно тихо, а в душе – спокойно – два.

Приближался очередной визит к лечащему врачу. Надо было показаться и продлить очередной больничный. Доехав на автобусе до поликлиники, заняла очередь в регистратуру за карточкой. Впереди меня невысокий коренастый мужичок и ещё человек десять мужчин и женщин разных возрастов. Вдруг почувствовала приближающуюся дурноту.

– Только бы не упасть, – промелькнуло в мозгу. – Пульсирующее тепло змейкой скользнуло вверх, я взмахнула руками и рухнула на пол. Последнее, что успела увидеть – испуганные глаза коренастого мужчины.

Противный запах нашатырного спирта вернул меня к жиз-

ни.

Прямо надо мной несколько вытянутых искаженных лиц, одно из них – женское, в обрамлении белой шапочки доктора.

– Очнулась, слава Богу! – воскликнула благообразная старушка.

– Аккуратно поднимаемся, и в кабинет, – взяла инициативу в свои руки симпатичная докторица.

Подала стакан воды, подождала, пока я окончательно пришла в себя.

– Что с вами? – участливо спросила врач.

– У меня онкология, по-женски, – спокойно ответила я.

– Вы уверены? – не унималась приятная во всех отношениях женщина.

– Да, уверена. Недавно из больницы, диагноз окончательный и обжалованию не подлежит, – грустно пошутила я.

– Что делать надумала? —продолжала пытку врача, незаметно переходя на «ты».

– Да вот ничего не надумала, – грустно ответила я.

– Ты же молодая, нужно оперироваться. Организм должен справиться. Решайся! А сейчас – давай-ка домой. Отлежись, успокойся, подумай и собирайся к своему незабвенному Владимиру Васильевичу. Он – врач от Бога, и операции выполняет блестяще.

– Может, он и действительно, врач от Бога, но мне-то помочь не смог, – грустно думала я, уставившись в окно авто-

буса. – Просто я родилась под несчастливой звездой. Невезучая я. Вот и всё.

И вдруг меня словно прорвало – слёзы в два ручья потекли из глаз, щёки вмиг намокли, а солёные струйки стекали по шее и заливались под ворот платья. Я плакала тихонько, практически бесшумно, чтоб никто из пассажиров не услышал. Так жалко себя вдруг стало!

Так жалко деток, которые совсем скоро останутся без мамы, и так жалко мужа, маму. А ещё жалко того, что уже никогда со мной не случится: не случится увидеть, как вырастут мои девочки, выучатся и выйдут замуж и родят мне внуков. Внуки будут, а бабушки – нет. И чем ярче представляла я эти картинки далекого будущего без меня, тем горше становилось на душе и тем обильнее текли солёные слёзы по моим пухлым щекам.

– Женщина, вы уже по второму кругу едите, – внезапно прервала мои страдания кондукторша. – Вам на какой остановке надо выходить?

– На площади Победы, – спохватилась я и посмотрела в окно.

– Тогда вам на следующей. Что-то случилось? – участливо поинтересовалась она, увидев мои заплаканные глаза.

В ответ я только кивнула и махнула рукой.

Глава 5

Утро вечера мудренее

На автомате прожила вечер: забрала из садика деток, погуляла с ними во дворе, покормила, искупала, уложила спать. Дождалась позднего возвращения мужа. Уставший и какой-то поникший, он участливо расспросил про визит к врачу. Выслушал, не перебивая, тяжело вздохнул и грустно опустил голову. Я тоже молчала, с надеждой всматривалась в его красивое мужественное лицо.

– Ты что-то решила? – помедлив, спросил он.

– Нет, я не знаю, что делать. И как будет лучше, тоже не знаю.

– Может, и вправду, стоит согласиться на операцию? – задумчиво продолжил муж. – А вдруг, именно она – твое спасение?

Пораскинув мозгами, вспомнив разговор с врачом, заметки в журналах и редкие передачи по телевизору на эту тему, ответила:

– Я очень сомневаюсь... А в «Здоровье» прочла, что после операции многие в течение года умирают.

– Многие умирают, а тебе может повезти, – продолжал гнуть своё Алексей.

Я криво улыбнулась:

– Ты же знаешь: мне везёт, как утопленнику. Даже и рисковать не стоит.

– А если не делать операцию? – опять спросил муж.

– Не знаю, – повторила я, как заезженная пластинка. – Ничего не знаю, мой родной. – И слезинки, капелька за капелькой, тихонько покатались по моим щекам.

– Ну вот только давай без этого, мамка! Хорош мне тут сырость разводиться! – нарочито сердитым тоном произнес Алексей. – И вообще, спать пора! Будет завтра день, завтра и подумаем!

Говоря это, он подошёл ко мне, положил свои большие сильные руки на мои плечи, легонько встряхнул, поднял, обнял и прижал к себе. Я уткнулась лбом в его широкую грудь, обхватила руками, и так мы долго стояли молча, слушая дыхание и биение сердец друг друга.

– Ну всё, мамка, хватит, пошли спать. Утро вечера мудренее, – настойчиво-нежно произнес муж, подталкивая меня к выходу из кухни.

– Дуй в ванну и сразу в постель, а я детей посмотрю и присоединюсь к тебе.

Умывшись и переодевшись в ночнушку, нырнула в кровать. Свернувшись калачиком, крепко обняла себя руками за плечи, подтянула коленки к самому лицу и с головой накрылась одеялом. Так хотелось спрятаться от всех свалившихся бед и несчастий! Так хотелось поверить в то, что всё это лишь чья-то злая страшная шутка.

Муж тихонько лег рядом, прижался животом к моей спине, обнял и стал тихонечко покачивать, как маленького ребенка.

– Всё будет хорошо, моя родненькая, – шептал он в такт покачиванию.

Напряжение тяжелого дня постепенно ушло. Мне стало очень тепло и спокойно.

– Завтра всё будет иначе, – успела подумать я, и мгновенно исчезла в темноте уснувшего сознания.

Глава 6

Женщина, очнитесь!

Следующий месяц прошел, как в тумане.

Внутри я раскололась на несколько частей: тело, душа и ум. И каждая часть жила своей отдельной самостоятельной жизнью. Тело продолжало болеть и разрушаться, и, конечно же, выполнять свои ежедневные обязанности: есть, пить, ходить в магазин, женскую консультацию и детский сад, мыть, стирать, убирать. Полная автономия.

Ум метался в поисках выхода: десятки вариантов проигрывались в своем больном воображении, и каждый раз любовью из них отметал, как неподходящий.

– Нет выхода. Всё, что ты делаешь – бесполезно! Все усилия – напрасны! Выхода нет!!! – Такие малоутешительные выводы делал мой ум в завершение любого внутреннего диалога.

А душа... душа болела и страдала, чувствуя полный внутренний раздрай.

Приближалась дата очередного похода к лечащему врачу. При мысли об этом душа слегка напряглась:

– Что на это раз ты услышишь?

– Что бы ни услышала, а идти надо, – резюмировал ум.

Села под дверь кабинета в ожидании своей очереди.

Женщин разных возрастов было много. И у всех практически одинаковое выражение лица: напряженно-тревожное, с вопросительно поднятыми вверх бровями и скорбной складочкой на лбу.

Большинство ожидающих приёма сидели молча, глубоко уйдя в себя в своих невесёлых думках. И лишь две довольно пожилые женщины переговаривались между собой вполголоса. И хоть они говорили тихо, совершенно отчетливо можно было услышать, как они жаловались друг дружке на здоровье, равнодушных, непонимающих их тонкие души, врачей, на неблагодарных детей-эгоистов, на мужей, лежащих у телевизора, и на всю свою, в общем-то, безрадостную жизнь.

Заткнуть уши не представлялось возможным, а слушать эти жалобы было просто невыносимо: на душе и без них кошки скребли. Стараясь спрятаться ото всех, тихонько прилегла в самом углу, достала из сумки затертый до дыр журнал «Здоровье» и приготовилась скоротать время за чтением очередной статьи на свою больную тему.

И вдруг увидела, как довольно молодая девушка, возможно, моя ровесница, устремилась прямо ко мне.

– Могу я с вами поговорить? – спросила она, присаживаясь рядом со мной.

– Ну что же это такое! – с раздражением подумала я. – И здесь никакого покоя! Что ей от меня надо? А вслух произнесла как можно спокойнее:

– Что вы хотите от меня услышать? Ведь мы с вами даже не знакомы.

– Да, это так, – согласилась миловидная девушка. – Меня Надей зовут. Я приехала сюда из маленькой деревни, и живу совсем одна. Подруг завести не успела, и посоветоваться мне совершенно не с кем. А вы так похожи на мою маму: такая же полная и добрая и, как видно, мудрая. Наверное, вы – её ровесница. И наверняка, вы сможете мне подсказать что-то дельное.

– А сколько лет вашей маме? – спросила я.

– В этом году сорок девять исполнится, – простодушно ответила Надя. – А вам сколько?

Хорошо, что я сидела на стуле. Точно бы упала, если б стояла. Это я-то – ровесница её мамы?! Это мне-то на вид почти полтинник?! Это я-то – умудренная жизненным опытом? Слегка потрясла головой, чтоб прийти в себя.

Переходя на «ты», сделал вид, что не услышала последний вопрос, поинтересовалась:

– Деточка, а тебе-то сколько годков?

– А мне двадцать восемь недавно исполнилось, – услышала в ответ.

«Деточка» была всего на три года моложе меня. Вот так номер!!!

– А как ваше отчество? У нас к старшим принято уважительно обращаться.

– Михайловной зови, – словно во сне, ответил мой язык.

А дальше Надя в подробностях поведала мне историю своей любви к женатому мужчине. И в завершение спросила, как ей лучше поступить: отказаться от него или стать его любовницей.

Всё ещё пребывая в шоке от происходящего, возмущаясь и негодуя всем своим существом, я обдумывала, как бы это помягче её послать куда подальше.

И когда я открыла рот, произошло то, чего я вообще никак не могла предвидеть. Чей-то очень давно позабытый спокойный голос произнес из глубины моей души:

– Хочешь быть счастливой – откажись. Хочешь быть несчастной – соглашайся.

Девушка, как под гипнозом, несколько минут неотрывно смотрела мне в глаза. А потом порывисто обняла и, как маленький ребенок, прижалась к моей могучей груди шестого размера.

– Михайловна, вразумили! Я же знала, что вы мне поможете! Дай вам Бог здоровья! – быстро, словно боясь опоздать, шептала она слова благодарности.

– Помни, что выбор – за тобой. Что посеешь, то и пожнешь, – продолжал вещать внутренний голос.

– Женщина, вам заходить! – командирским тоном заявила сидевшая напротив меня сухопарая дама.

Внутри что-то щёлкнуло, и уже своим голосом я попрощалась с Надей, и на полусогнутых ногах, под бременем своих сорока девяти лет и ста килограммов, поплелась к двери

кабинета.

Вместо моей доброй и любимой врачихи я увидела очень молодую и на вид, хрупкую девушку. На мой немой вопрос она ответила:

– Ваш доктор ушла в отпуск. Про вас она мне рассказала, я в курсе ваших проблем. Проходите за ширму, раздевайтесь, – и указала рукой на дальний угол, где за белой ширмой пряталось гинекологическое кресло.

Осмотр длился долго. Везде было больно. Очень больно. Врач задавала стандартные вопросы, обдумывая мои ответы, поднимала голову вверх, словно пыталась найти подсказки на белом больничном потолке. С каждой минутой выражение её лица менялось: хмурились брови, плотно сжимались губы, тускнели глаза.

Словно темная грозовая туча стремительно влетела в кабинет – напряжение нарастало, и даже я почувствовала это всей кожей.

– Можете одеваться, – снимая перчатки, сказала незнакомая докторша.

Робко усадив свою тушку на краешек стула рядом, опустив глаза вниз, стала пристально изучать больничный пол. Он был потертый и старый.

– Ремонт пора делать, – пришла очень своевременная мысль в мою пустую голову. – И вероятно, я произнесла это вслух.

– Что вы сказали??? – удивленно воскликнула врач. – Ре-

монт? Какой ремонт, женщина, очнитесь! Вам срочно надо свою судьбу решать, а вы бог знает, о чём думаете.

Уставившись друг на друга большими от удивления глазами, некоторое время мы обе молчали.

Врач опомнилась первой. Переведя взгляд на застывшую в удивлении акушерку, она попросила её взять в регистратуре чью-то карточку. Как до меня потом дошло – попросту её вежливо выставила.

Оставшись вдвоем, и уже обращаясь ко мне, она сказала: – Со дня последнего осмотра ваше состояние ухудшилось, динамика отрицательная, и, если всё оставить как есть, скоро могут начаться метастазы в ближайшие органы. Вам нужна операция, – продолжала вещать доктор. – И чем быстрее, тем лучше.

Смысл сказанного про динамику и операцию дошёл до моего мутного сознания довольно быстро. А вот про метастазы я слышала впервые. Было интересно узнать – что это такое и чем они грозят моим органам. Природное любопытство победило. Глядя врачу в глаза, я наивно задала свой вопрос.

Её глаза вновь округлились, уставились на меня с выражением гнева и возмущения. Она схватилась руками за голову и почти простонала:

– Боже, какая дремучесть! Не знать элементарных вещей! Тем более, когда речь идёт о твоём здоровье!

Не знаю, что отражалось на моём лице. Но взглянув мне в глаза, она резко успокоилась, и материнско-ласковым то-

ном, как маленькой девочке, стала объяснять:

– Опухоль растёт, от неё, как щупальца, отходят отростки и стремятся проникнуть в те органы, которые рядом с ними. И чем больше растёт опухоль, тем больше питания ей нужно. Вот и получается, что метастазы постепенно «поедают» ваш организм. Теперь понятно?

В моей голове мгновенно возник образ огромного безобразного монстра с бесчисленными щупальцами, которыми он впивается в мою матку и медленно, и незаметно для меня, смакуя, кусочек за кусочком, с наслаждением, съедает её. А другие щупальца в это же время тянутся к яичникам, кишечнику... УЖАС!

– Да, теперь понятно, – прошептала я вмиг онемевшими губами.

И опять в воздухе повисла пауза.

Доктор взяла какую-то бумажку и стала что-то в ней писать. Закончив, она протянула ее мне.

– Это направление на операцию. Конечно, вы можете подумать, Любовь Михайловна. Только думайте быстрее! Для кого-то время – деньги, а для вас – жизнь!

Машинально положила направление в сумочку, молча кивнула и пошла на выход. В дверях столкнулась с акушеркой. Татьяна Павловна сочувственно посмотрела на меня и тихо произнесла:

– Всё будет хорошо, – и легонько погладила меня по плечу.

Глава 7

Незнакомка в зеркале

Домой шла пешком. Ноги сами понесли меня к набережной. Необыкновенно тёплый весенний ветерок нежно прикасался к моему лицу, словно хотел разгладить напряжённую складочку между бровями. Волосы и платье мягко колыхались, обдавая приятным теплом уставшее тело.

Ярко, радостно светило солнышко. Над головой заливисто чирикали птички, а под ногами желтели первые одуванчики. Прислонилась спиной к стволу сосны.

В голове рой мыслей, в душе – полный раздрай.

– Так вот значит, как меня видят другие: толстая, старая, умудренная жизнью тётка... Мои ровесницы просят у меня совета...

– Вот до чего ты докатилась, Любовь Михайловна, – с упрёком обратилась я к самой себе. – Как тебе только не стыдно!

– Да как-то и не стыдно, – ответил ещё один голос. – А когда собой заниматься? Муж только как пару лет перестал пропадать в командировках, а на мне трое детей, все нездоровые, помочь некому, до себя ли?

– Ладно, хватит оправдываться, давай думать, – твёрдо заявил голос.

Вопрошающим взглядом уставилась на белые барашки облаков, бегущих по голубому небу.

– Неужели не обойтись без операции? Неужели всё так плохо? – задавала я себе бесконечные вопросы и не могла найти на них ответы...

Потерявшись во времени, бродила вдоль берега красавицы Печоры. Люди, проходившие рядом, моим сознанием игнорировались, словно мы с ними находились в параллельных мирах, которые, как известно, не пересекаются.

В голове, как дятел по стволу дерева, стучал и бился один очень русский вопрос:

– Что делать? Что делать?! Что же Мне делать?!

Обессилен от этого долбежа, присела на деревянную скамейку.

– Любаша, надо что-то решать. Так больше не может продолжаться, – сказала я сама себе. – Ну что ж, если все так настаивают на операции, может хватит упираться рогом в землю? В конце концов, и врачи, и муж в этих делах понимают куда больше, чем я, и хотят для меня только хорошего.

Ну что ж, операция, так операция.

И сразу на душе стало как-то спокойно и легко.

Взглянула на часы – давно пора забирать девчонок из сада!

– Ну ты и мамашка, – попеняла я самой себе. – За болячками про всё забыла, даже про собственных детей! – продолжала тихонько ворчать и почти вприпрыжку устремилась

за детками.

Мои девочки-погодки ходили в один садик, только в разные группы. И чтоб всё было по-справедливости, я их забирала по очереди, т.е. в один день сначала заходила за старшей, Наташей, и потом уже вместе с ней мы шли за младшей, Любашей (это её так муж назвал). А в другой день – наоборот. Сначала забирала младшую, а потом вместе шли за старшей. Сегодня была очередь идти за Наташей.

Летом после ужина детки в ожидании родителей играли рядом с садиком, каждая группа на своем участке. И когда детей оставалось совсем мало, девочкам разрешали играть вместе. И сегодня был как раз такой день. Около десятка малышей играли на одном участке, а две воспитательницы мирно беседовали, сидя на скамейке напротив.

Остановившись в нескольких шагах, глазами отыскала своих. Наташка гордо восседала за рулём деревянного грузовичка и увлечёно крутила баранку, издавая маленькими пухлыми губёшками массу звуков типа «ТРРРРР, птрррррр, ддрррррр». Любашка примостилась за спиной Наташки в кузове грузовичка и с любопытством посматривала, как старшая сестрёнка лихо управляется с машиной.

– Какие же они разные, – мелькнуло в голове. – Наташка, как пацанёнок, задиристая и беспокойная. Не зря Алексей мечтал о сыне. Все повадки мальчишеские. А Любаша... тихая, незаметная и очень послушная. Как будто оправдывает своё пребывание на этом свете. Моё эгоистичное желание

избавиться от неё на поздних сроках беременности сказывалось на девочке с самого рождения. Интересно, какими они вырастут?

Увидев меня, воспитательница уставшим голосом негромко позвала:

– Наташа, Любаша, за вами мама пришла!

Руль мгновенно выпал из рук старшей, огромные голубые глазёнки встретились с моими.

– Мама! – завопила Наташа, бросаясь ко мне.

Младшая торопливо выкарабкивалась из кузова и тоже кричала:

– Мама! Мама пришла!

Я широко раскинула руки, и в них, словно две стремительные шайбы, влетели мои девчонки. Наклонилась, присела на корточки. Две пары маленьких детских ручонок крепко обняли меня за шею, и в каждую щеку уткнулись пухлые, пахнущие молоком, губёшки.

– Мамочка, мама, я так соскучилась, – кричала каждая из них. Одна в левое, другая в правое ухо.

– Я тоже очень-преочень по вас соскучилась, мои девочки! – обнимая их, прошептала я.

Восторг долгожданной встречи постепенно улёгся, и мы перешли на более спокойное общение.

– Мамуля, давай еще погуляем! – просила Наташка.

– Мамочка, пойдём домой, – просила Любашка.

Минутку подумав, предложила дочуркам совершить круг

почёта вокруг садика и после этого отправиться домой. Дети радостно согласились. Подобные компромиссы помогали ослабить неосознанную конкуренцию на право быть первой и правой между девочками, а также помогали малышам научиться учитывать желания близких людей.

Наташка, весело подпрыгивая и нарезая вокруг нас круги, захлёб рассказывала о событиях прожитого садиковского дня. За пару минут я узнала, что она ела на завтрак, обед и ужин и что ей понравилось, а что – не очень; во что, с кем и как играла; чему новому научилась; с кем поссорилась и по какому поводу, о чем секретничали их воспитательницы во время тихого часа, думая, что все дети спят.

Любашка, крепко сжав мою руку, молча шла рядом. И если я делала неожиданно большой шаг, её маленькая ладошка судорожно хватала мою, словно пыталась удержать, остановить, не дать убежать... И когда я спросила её, как прошёл её день, она тихо ответила:

– грустно, мамочка. День так долго тянулся, а я всё ждала тебя. Все играли, и я тоже старалась играть, чтоб воспитательница не ругалась. Только без тебя совсем плохо.

Мое сердце сжалось от той совсем недетской боли, которая звучала в словах дочки.

– Я так рада, что теперь ты со мной, – продолжала моя младшенькая. – Ты же никуда не уйдёшь?

– Конечно, нет. Весь вечер я буду с тобой и с Наташей. Пойдем готовить ужин: скоро папа с работы вернется.

– А когда вернётся Вовчик? – бесхитростно поинтересовалась Любашка.

– Когда его вылечат врачи, тогда он и вернётся, – торопливо ответила я. – Что ты хочешь на ужин? – постаралась быстренько сменить тему.

– Молоко с кукурузными палочками, что бабушка прислала. Они мне так нравятся! – непосредственно ответила дочка.

Вечер прошел на удивление спокойно, по накатанному сценарию: приготовление ужина для папы, его радостная встреча с работы, совместные посиделки на кухне. Потом купание девочек и чтение традиционной сказки перед сном. В редкие дни, когда Алексей приходил с работы пораньше, эту приятную обязанность выполнял он. И сегодня был как раз такой вечер. Пока муж укладывал детей, я убирала в ванной и на кухне.

Ну вот, чистота и порядок: помыта и расставлена по местам посуда, выстираны и развешаны детские вещички, мокрые игрушки выставлены для просушки на полочку.

В ожидании мужа прислушалась: в детской – тишина. Тихонечко открыла дверь: девочки мирно спали, сладко посапывая. Алексей тоже спал, уронив книжку себе на грудь. Осторожно сняла с его носа очки и вышла из комнаты.

– Разговор про операцию придётся отложить. А может, оно и к лучшему, – подумала я. – Пусть отдохнет.

Мне было жалко своего немолодого мужа.

Такая ноша свалилась на него! Мало проблем с болезнями детей, теперь ещё и я добавилась. А если учитывать, что он руководил довольно большим животноводческим комплексом, поднимал его из руин, выкладывался, что называется, по полной, то частенько я испытывала к нему почти материнские чувства и окружала такой же заботой.

Мне нравилось его вкусно кормить, выражая таким образом своё уважение и признание. И порой это доходило до крайности: обычный обед мог, кроме любимого борща, включать в себя блюда отнюдь не обыденные: фаршированную гусиную шейку, например, и маленький торт на десерт.

Соседка Татьяна, застававшая меня за приготовлением подобных кулинарных изысков, осуждающее качала головой и говорила в сердцах:

– Сколько же часов ты на это тратишь?! И тебе не жалко своего времени и своих сил на готовку?! Нет, с этим надо что-то делать, никуда не годится...

Я совсем не понимала, почему она так возмущается, и продолжала делать по-своему. Правда, иногда чувствовала какую-то усталость и пустоту, но списывала всё на свою болезнь.

Наши супружеские отношения были почти сведены к нулю. И сказать честно, меня это устраивало. Т.к. боли во время близости усиливались, я с радостью находила предлоги от неё, что называется, откосить. И Алексей давно перестал

проявлять инициативу в этом плане.

По своей наивности я относилась подобно на счёт его хронической усталости, такой же хронической болезни и ОООчень зрелого, понимающего отношения к моему нездоровому состоянию. И разве я могла тогда предположить, что всем моим иллюзиям очень скоро суждено развеяться, как утренней дымке на рассвете.

Облегченно вздохнув, я отправилась в ванную, принять душ. Мой взгляд упал на отражение в большом зеркале, что стояло в прихожей. Обычно я проскакивала мимо, стараясь в него не смотреть. Сейчас же какая-то неведомая сила заставила меня подойти к нему и внимательно всмотреться. Прямо на меня смотрела совсем незнакомая мне женщина. Она была толстая, старая и очень уставшая. Бросились в глаза её покатые, безвольно опущенные плечи. Пухлые руки растерянно теребили полочку засаленного домашнего халата. Кожа на руках слегка покраснела и шелушилась. Ногти были разной длины и под ними виднелась грязь; видно, осталась после мытья посуды.

Я с любопытством и с какой-то жадностью стала внимательно изучать её. Перевела взгляд на лицо. Боже, что ЭТО!!! Зелёные и очень печальные глаза смотрели на меня с явным интересом. Чистый гладкий лоб, вздёрнутый курносый носик и пухлые губы и щёки придавали лицу милое детское выражение. А дальше... дальше шла шея. Вернее, то, что так называлось. Толстая, рыхлая, она сливалась с лицом

незнакомки, и прямо от подбородка опускалась ниже, плавно переходя в пышную грудь шестого размера.

– Что с твоей шеей, где она?! – приглушённым шёпотом прокричала я.

Женщина из зеркала недоуменно пожала плечами и повернулась ко мне боком, демонстрируя толстый живот.

– Если к твоим соскам подвесить груз, он неминуемо упрётся в живот, – прокомментировала я эту чудную картину.

Женщина в зеркале виновато вздохнула и опустила голову.

Я же продолжила своё знакомство. Внимание опять вернулось к шее и я с ужасом увидела внушительного размера холмик, почти горб в районе седьмого шейного позвонка.

– Вот это да! – вырвался удивленный возглас. – А как же твоё тело выглядит сзади? – пытливо поинтересовалась я.

Старый трельяж позволял ответить и на этот вопрос. Поскольку мешковатый халат скрывал тело, его пришлось снять. Картина, открывшаяся взору, была поистине потрясающей. Женское тело отсутствовало. Полностью отсутствовала талия и приятные женские округлости. Отражение в зеркале очень сильно напоминало большую жирную гусеницу с многочисленными складками, которые свисали друг над другом. Складки были везде, даже на ногах. Особенно большие и некрасивые свисали с внутренней поверхности бёдер.

– Так вот что тебе так мешает, когда ты ходишь! – сочув-

ственно воскликнула я.

– Да, ты права, – ответило отражение. – И неприятно потеет и натирает очень сильно, причиняя боль.

Ноги женщины были толстыми в бёдрах и неестественно тонкими ниже колен, что делало её фигуру карикатурной.

Женщина опять повернулась лицом ко мне. И моему взору открылся огромный живот, фартуком свисающий над заношенными чёрными трусами.

Пухлые коленки и отёкшие стопы с надутыми, как в резиновых перчатках, пальцами, завершали эту безрадостную картину.

Вся фигура незнакомки источала вибрации тоски-печали и непроходимой обреченности.

– Ты и вправду выглядишь лет на пятьдесят! – опять воскликнула я. – Девушка в поликлинике видела именно эту довольно пожилую даму.

И тут над моей головой грянул гром! Сильнейший электрический разряд пронзил меня от макушки до пяток.

– Эта женщина в зеркале – ты сама! Очнись, сколько ты будешь спать наяву! – прогремел голос изнутри.

И тут словно пелена упала с моих глаз, и я наконец-то увидела себя реальную, а не ту, какой я себе казалась.

– Боже мой, этого не может быть! – вскричала моя душа.

– Очень даже может, – продолжал внутренний голос. – Запустила себя окончательно, и ещё возмущается.

Халат 56-го размера, что лежал на трюмо, подтверждал

сказанное.

– Что же делать? – в который раз за этот день спросила я.

– Что делать, что делать, – проворчал голос. – Мыться и спать идти. Завтра будет день, завтра и подумаешь.

Я доверяла этому так редко звучащему внутри голосу. Стыдливо сгребла сшитый мною из детских пелёнок халат и вошла в ванную.

Глава 8

Разговор с мужем

С мужем удалось поговорить только на следующий день. В обед он неожиданно появился дома. А неожиданно потому, что по своему обыкновению, обедал он в совхозной столовой, а домой приезжал ближе к ужину или и того позже.

– Партийное собрание сегодня в 14.00. Вот и появилась возможность с тобой повидаться, мой родной, – легонько обнимая меня, пояснил Алексей. – А то вчера непонятно кто раньше уснул – я или девочки. Проснулся уже под утро. Спасибо, что дала выспаться, – благодарно закончил свою мысль муж.

Мне не терпелось начать разговор о своём решении лечь под нож хирурга. И всё ж строго памятуя мамин наказ: сначала обед, а потом совет, накрыла на стол и села на своё место напротив мужа. Он был голоден и некоторое время ел молча, посматривая на меня краем глаза.

– Есть новости? – поинтересовался он.

Я кивнула.

– Решила послушать умных людей, то бишь тебя и врачей, и решилась на операцию.

В подтверждение сказанного молча показала направление на операцию.

Его густые чёрные, как у Брежнева, брови, удивлённо поднялись вверх, большие глаза округлились и стали огромными голубыми озёрами.

– Ты же не хотела! – выпалил он. – И тут же продолжил: – Умничка, что согласилась. Будем надеяться, что всё обойдется, – с ударением на втором слоге, сказал муж. Его брови вернулись на место и озёра глаз опять вернулись в свои берега.

Помолчал, подумал о чём-то.

– Теперь надо решить, где и кто тебя будет оперировать, – глядя мне в глаза, серьёзно произнес он.

– А что же решать! – воскликнула я. – Владимир Васильевич, что тут думать!

– Владимир Васильевич, Владимир Васильевич, – проворчал Алексей. – А не он ли тебя обещал вылечить и не вылечил? Сколько месяцев ты у него отлежала, а толку?! – уже всю возмутился муж. – Сегодня же прозвоню в Сыктывкар и по своим каналам узнаю, кому можно тебя доверить.

– Мы Вовчика уже доверили, и тоже по твоим каналам, – сказала и тут же осеклась я.

Алексей грозно нахмурил брови, сжал губы и взглядом прожёл на моём лице дырку. Молча поднялся из-за стола, до хруста сжал руки в кулаки.

– С Вовчиком другая история, не путай грешное с праведным, – сквозь зубы процедил он, поспешно направляясь к выходу.

Пропуская мужа, вжалась в стенку и невольно зажмурила глаза, подсознательно ожидая удара.

– Сегодня буду поздно, детей сама забери, – коротко бросил муж и хлопнул дверью.

– Пронесло, – облегчённо вздохнула и открыла глаза. Расслабилось испуганное тело, хранившее память о кулаках мужа.

Первый раз это случилось на мой день рождения, когда мне стукнуло 25 лет.

Полностью растворённая в муже и детях, я не успела обзавестись ни подругами, ни знакомыми. Весь круг моего общения состоял из сослуживцев мужа и их жён. Для компании Алексей пригласил в наш скромный балок Гету (завхоз детсада, куда ходил сынишка) с её мужем Жорой. Остальные отказались, сославшись на занятость. Это был бойкот обществу неравному браку (даже и не браку, а простому сожительству).

Гета, она же Генриетта, немолодая обаятельная дама обладала завидной чертой: ладить со всеми и к месту рассказывать смешные истории и анекдоты.

Жорик же напротив, был молчаливым и почти угрюмым мужчиной. Вся наша маленькая компания со смеху покатывалась над искромётными шутками Геты.

Разогретая смехом, выпитой водкой и жаркой печкой, я решила выйти на улицу. Алексей подхватил меня под руку, и мы, продолжая весело смеяться, поспешили на свежий

воздух. Заливисто смеясь, радуясь новым знакомым, любимому мужчине, я всем своим новорожденным существом потянулась к стоявшему рядом такому родному и надёжному Алексею. Резкий удар наотмашь отбросил меня к стене. Из глаз посыпались искры, сами собой хлынули слёзы, и тонкой струйкой закапала из носа на новое платье, кровь. Подняла в недоумении голову и получила ещё один удар по другой щеке.

– Убью, сука такая! – услышала незнакомый безобразный шипящий голос. – Смеяться она вздумала! Глазки мужикам строит! Тварь неблагодарная!

Уродливая маска вместо родного лица. Незаслуженные оскорбления вместо объятий и поцелуев. И первые побои... И тёмная, незнакомая доселе, сторона такого, казалось бы, знакомого и близкого человека.

БРРР... Помотала головой, отмахиваясь от не вовремя нахлынувших тягостных воспоминаний.

Глава 9

Полный облом

Следующие две недели пролетели в переговорах-разговорах-переживаниях-размышлениях-делах домашних.

Наконец однажды вечером Алексей заявил:

– Любаша, тебя в Сыктывкаре ждёт самый лучший хирург онкологического отделения. Послезавтра тебе надо выехать. Билет я уже купил, так что давай, потыхеньку собирайся, – с неизбывным украинским акцентом произнес муж.

Я, конечно, ожидала чего-то подобного, и всё ж эта новость застала меня врасплох.

– Уже послезавтра?! – почти закричала я. – А как же дети? Ты? Как я там без вас? Одна, в чужом, незнакомом городе?

– Я договорился с Татьяной Ивановной, что работает в нашем управлении, она тебя встретит и проводит. А здесь я уж как-нибудь справлюсь. До сих пор же справлялся, и с тремя оставался, сама знаешь. Так что успокойся и давай собирайся в путь-дорогу. У тебя для этого есть целый завтрашний день.

– Только маме не говори, когда будешь звонить. Скажи, что всё, как обычно, – умоляющим голосом попросила я.

– Разумеется, всё, как обычно, – эхом отозвался муж.

Свою маму, живущую на Украине, за три тысячи кило-

метров от нас,

по – возможности я старалась беречь и не расстраивать. Хотя частенько она слёзно по телефону просила рассказать, что происходит на самом деле, – видать, материнское сердце чувствовало беду на расстоянии.

Следующий день прошёл в беспокойных хлопотах: перво-наперво занялась домом: сделала почти генеральную уборку в квартире, перестирала всё грязное, что ещё оставалось. Благо, летом бельё сохнет быстро. Переглядила.

Приготовила еду на несколько дней, чтоб было чем питаться дома и мужу и детям. Благодаря Алексею, в доме всегда были не только самые необходимые продукты, но и те, что считались жутким дефицитом: свежее мясо, рыба, фрукты и овощи. Поэтому я была освобождена от беготни по пустым магазинам в поисках чего-то съедобного.

Позвонила на работу. Попросила Свету, секретаря, передать директору, что к своим обязанностям вернусь ещё не скоро. Светлана деликатно помолчала, а потом всё же не утерпела: поинтересовалась, с чем я так долго кошу от работы. Не умея врать, я пришла в замешательство и что-то неразборчиво проблеяла в трубку.

– Понятно, что-то серьёзное, – подытожила умная девушка и перестала меня пытаться.

На мой вопрос, не собирается ли Федор Петрович меня увольнять из-за столь длительного отсутствия, быстро успокоила:

– Нет, не собирается. Да и по КЗОТу не положено. Ты ж официально болеешь, и больничный лист у тебя имеется. Так что не переживай. И побыстрее поправляйся. Поняла, Люба?

– Угу, поняла.

– Тогда до скорого.

– До скорого.

Этот разговор выжал меня, словно лимон. И когда пришла очередь собирать дорожную сумку, силы совсем закончились. Плюхнулась обесточенной тушкой на кровать и мгновенно исчезла в темноте небытия.

Чудесный летний день.

Прямо надо мной качается голубое небо вместе с птицами, качаются цветущие деревья и смеющиеся лица моих молодых родителей. Папа с мамой вытряхивают во дворе половики и сейчас качают меня в одном из них. На душе светло и беззаботно-радостно. Папка подхватывает на руки и подбрасывает в самое небо. Я кричу от восторга и страха. Мои пшеничные волосы плавно поднимаются вверх и опускаются вниз. Бешено стучит сердце, перехватывает дыхание. Маленькими ручонками я обвиваю папкину шею. От него пахнет крепким мужским потом, ветром и ещё чем-то очень-очень родным и близким.

– Папочка, папа, хватит! Мне страшно. Вдруг ты меня не поймашь!

– Глупышка моя маленькая, как же я могу тебя не пой-

мать! Запомни: со мной ты всегда в безопасности. Я всегда тебя смогу защитить. И всегда смогу тебя поймать, – ответил папа, наклоня своё лицо к моему, и широко улыбаясь мне навстречу.

Изо всех своих детских силёнок я прижалась своей нежной щечкой к его жесткой щетинистой мужской щеке. Сердечко успокоилось, дыхание выровнялось, и всё моё маленькое существо наполнилось чувством полной безопасности, надежности и защищенности.

– Оставь меня с собой, папа, – тихонько попросила я. – С тобой так хорошо и спокойно! Защити меня, папочка! – продолжала умолять я своего давно умершего отца.

– Нет, моя девочка, – твёрдо отказал тот. – Тебе ещё рано ко мне. В своё время мы обязательно встретимся. А сейчас тебе пора возвращаться. И прошу тебя, ничего не бойся, я незримо всегда с тобой. И я люблю тебя, моя красавица! Помни об этом!

Его обветренные шершавые губы нежно коснулись моей щеки и в следующее мгновение крепкие отцовские руки бережно и одновременно сильно подкинули меня вверх, в синее небо...

Я резко открыла глаза и сразу не поняла, где я и что со мной. Туманным взглядом обвела комнату, постепенно возвращаясь в реальность. Машинально поднесла руку к щеке – она была слегка влажная от отцовского поцелуя.

Короткий пятнадцатиминутный сон, очень похожий

на реальность, вдохнул в меня новые силы. И оставил после себя чувство защищенности и успокоения. Я очень быстро собрала всё необходимое для поездки и пошла забирать девочек из садика.

До отъезда оставалось всего ничего – поезд отправлялся рано утром.

Ночную тишину взорвал телефонный звонок. Я первая подскочила к аппарату, желая сберечь детский сон, рывком схватила трубку. В трубке мужской голос вежливо извинился за поздний звонок и попросил Алексея Демьяновича. Тот полусонный уже спешил к телефону. Начал слушать и сразу проснулся.

– Тудыт твою в качелю! – рявкнул он своим громогласным голосом. – А другой врач её может взять? – опомнившись, спросил Алексей и внимательно прислушался к собеседнику на другом конце провода. – Да твою ж мать нехай! – опять не сдержался он. – Мы ж билет купили, уже выезжать собрались, настроились... – продолжал муж. – Переписать на другую дату?! Через месяц?! А что с ней через месяц станется, ты понимаешь, сукин ты сын! – продолжал негодовать, как разъярённый лев, Алексей. – Да понимаю я всё, и ты ж меня пойми! – слегка успокаиваясь, продолжал свой беспокойный диалог муж. – Ладно, спасибо, що поздвонили, – поблагодарил, переходя на украинский, собеседника и с досадой бросил трубку.

Помолчал.

– У хирурга мать умерла, тот на похороны уехал. Так что поездка отменяется, – отрубил он и пошёл курить в туалет.

Ещё в ходе разговора я поняла, что сегодня в Сыктывкар я не поеду. А детали ночного диалога лишь поясняли, почему.

– Ну почему именно сейчас у врача умерла мама?! Ну почему именно сейчас, когда я уже на чемоданах сижу?! – в сердцах воскликнула я, поднимая глаза вверх и обращаясь к кому-то невидимому.

– Потому, что ты – невезучая, – ехидно прозвучал ответ в моей голове. – Родилась под несчастливой звездой, вот и валятся на тебя все несчастья этого мира! – продолжал вещать голос. – Видишь, и не муж, и не отец не смогли тебе помочь, хоть и обещали.

– Они сделали всё, что могли, – попыталась я вступить за близких мужчин.

– Вот и будь довольна! – продолжал издеваться ехидный голосок.

Мысленно всадила ему кляп в рот, тихонько прошла к детям, те крепко спали, не подозревая о бушующих ночных страстях. На цыпочках пробралась на кухню – муж сидел за столом, грустно подперев голову рукой и глядя куда-то в пространство невидящим взором.

Молча присела напротив, виновато потупив взор. Чувство вины тотально завладело мною. Я винила себя за всё: и за то, что настояла на нашей совместной жизни, и за болезнь, и за лишние килограммы, и за больного сына, и за то,

что у неизвестного мне врача умерла мама, и за то, что сейчас мой муж переживает, мучается и не спит. А ему ведь рано на работу!

И видать вина была такой огромной, что коснулась сердца мужа и заставила его положить на стол стиснутые в кулаки руки и сказать мне вместо утешения злые слова, бьющие в самые уязвимые места:

– Видать, распоследняя ты грешница! Чем ты так Бога прогневала, что Он отвернулся от тебя?! Вовку не спасли, сама на последнем издыхании, я, как пёс старый, измотан. И опять – все мои усилия коту под хвост! И всё из-за тебя, черт тебя дери! – грохнул кулаком по столу и ушёл в спальню, оставив меня одну.

Хорошо, что мой толстый зад сидел на стуле, а руками я держалась за стол. Солёный водопад хлынул из глаз. Щемящее чувство жалости к себе, к своей нескладной судьбе сменило чувство вины. Ожидания понимания и поддержки от мужа разбились о жесткую реальность.

Незащищенность, безнадёга, безвыходность. Полнейший тупик. Что бы я ни делала – нет выхода! Пробились смутные воспоминания о рождении, когда я хорошо усвоила этот урок и согласилась с ним.

Все мои усилия бесполезны! Выхода нет!

Отчаяние захлестнуло с новой силой. Желание умереть, уйти, раствориться мгновенно захлестнуло меня.

– Девочкам нужна мама, опомнись! – услышала знакомый

мудрый голос.

Опомнилась, вытерла слёзы, выдохнула и решила пойти спать. Встала.

Стены кухни вдруг ожили и поплыли. Противный холодильник стал подниматься от кобчика вверх.

– Опять двадцать пять, – успела с досадой отметить я, прежде чем исчезнуть в темноте неизвестности.

Глава 10

Операция отменяется

Солнечные лучики пробежали по моему лицу, нежно погладили веки, словно приглашали открыть глаза и снова вернуться к жизни.

Пребывая в сладкой дрёме, хотелось продлить эту утреннюю негу, когда ещё не чувствуешь боли, когда ощущаешь себя здоровой, молодой и стройной. Вспомнила, когда была такой в реальности: как легко было моей душе жить в теле весом 53 кг, ходить по грибы и ягоды – наклоняешься за грибочком и тебе не мешают противные жирные складки, не мучает одышка, когда ты прошла пару километров, и не подкашиваются бессильно ноги после небольшого подъёма в гору.

Представить-то я эту картину представила, а вот поверить в то, что подобное состояние вернётся ко мне, не могла. Ум сразу же начал сопротивляться и противно скулить:

– Да, бывали времена. Не то, что сейчас, – как старушка-развалюшка. Может, даже хорошо, что боль чувствуешь – значит, жива. Вспомни поговорку: если ты проснулась утром и у тебя ничего не болит, значит, ты умер, – пытался как-то успокоить меня внутренний нытик.

Его ворчание было бесцеремонно прервано: в комнату вошёл муж, наклонился, и я почувствовала на своём лице его

изучающий взгляд.

– Кажется, очухалась, – шёпотом проговорил Алексей и тихонько коснулся моего плеча, желая убедиться в этом.

Как бы не хотелось остаться в своей дрёме, а пришлось открывать глаза. Лицо мужа выглядело тревожным.

– Ну ты меня, мамка, и напугала! – воскликнул он, помогая мне приподняться на подушке. – Я почти уснул, когда услышал грохот в коридоре. Выхожу – а ты лежишь. Само-го чуть Кондратий не хватил, – закончил он, неестественно улыбаясь одними губами. Глаза же оставались тревожно-настороженными.

– Я сегодня девчонок сам отведу в садик, а ты полежи, отдохни, если хочешь, телевизор посмотри или поспи ещё.

Я согласилась, молча кивнула головой и опять прикрыла глаза. Сразу вспомнила то, что произошло вчера.

– С нашим браком явно что-то не так, – подумалось мне. – Как он мог ТАКОЕ сказать, а потом оставить меня одну на кухне и спокойно пойти спать?!

И живём вместе как изрядно надоевшие друг другу родственники, которым просто некуда деваться. Вот и приходится, скрепя сердце, терпеть присутствие другого. А любви давно и след простыл...

– И опять – понеслось, – проснулся внутренний голос. – Ну и любишь же ты из мухи слона делать! Притомился твой далеко немолодой муженёк, вот и весь сказ. Хорош огород городить, подумай, что тебе с собой делать!

– И то правда! – вовремя опомнилась я.

В комнату одна за другой влетели мои любимые сокровища.

– Мамочка, приветик, – прижалась с одного бока Наташка.

– Мамулечка, доброе утро! – обняла с другого Любашка.

– Мы в садик идём, а ты поскорей выздоравливай, – почти хором пропели мои пташки. – Приходи к нам здоровенькая! – сказали на прощанье и исчезли за дверями спальни, махая на прощание маленькими ладошками.

И опять до боли сжалось сердце: что-то ждёт моих девочек в ближайшем будущем?

Отгоняя тягостные мысли, с трудом соскребла себя с кровати и намеренно удерживаясь от взгляда в зеркало, поспешила в ванную под душ.

Тело, как обычно, активно занялось неизбывными домашними делами, которые, как известно, НИКОГДА не заканчиваются. А душа, словно загнанная в угол птица, искала выход из такой непростой ситуации. И когда усталость навалилась и придавила тело, как рухнувшая многоэтажка, я опять услышала внутренний голос:

– Бери свои монатки и иди к Владимиру Васильевичу, он – твой последний шанс.

– А что, может, ты и прав, – ответила я ему. – И что я, собственно, потеряю? Уже и так почти всё потеряно.

Вечером поставив мужа в известность о принятом реше-

нии, морально стала настраиваться на разлуку с детками и на длительное пребывание в больничке.

Утром проводила мужа на работу, отвела девочек в садик, крепко обняла и поцеловала их на прощание. О том, что я опять ложусь в больничку, говорить не стала: сколько можно терзать детские сердца переживаниями о здоровье мамы? А воспитательниц предупредила о своём длительном отсутствии и попросила быть к девочкам помягче. Те согласно закивали головами, сочувственно вздыхая.

Зашла домой за уже собранными документами и вещами, которые дожидались меня в маленькой прихожей. Поспешила на автобус. Сидя у окна, внимательно наблюдала за тем, что происходит на улице: вот мужчина с портфелем в руке явно спешит по делам; юные влюбленные, не замечая никого, идут в обнимку; благообразная старушка любятся цветущей черёмухой; рядом с пышущей здоровьем молодой мамой прыгает весёлый розовощекий карапуз...

В приёмном покое дождалась своей очереди и подала направление приятной внешности девушке. Та внимательно его прочла и подняв на меня красивые карие глаза, сказала:

– Мы не можем вас принять: ваш доктор, Владимир Васильевич, вчера вышел в отпуск.

На меня напал столбняк.

– А что ж вы так долго собирались? Направление на операцию выписано три недели назад, а вы только сегодня явились, – полюбопытствовала медсестричка.

Я не могла вымолвить ни слова: губы онемели, ноги вросли в пол, пальцы рук переплелись замком и побелели от напряжения. Над моей головой в который раз за несколько дней опять грянул гром!

– ХА-ХА-ХА! – услышала я победный гогот. – Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – ехидно глумился злейший из всех моих внутренних голосов.

– Не может быть! – наконец-то очнувшись, прошептала я.

– Очень даже может быть, – степенно ответила красотка в белом халате. – Врачи – тоже люди, им тоже отпуска полагаются. Так что приходите ближе к осени, Владимир Васильевич взял по полной программе, – улыбнулась девушка, показывая белые ровные зубы.

Машинально выдавила из себя дежурное «спасибо», также на автомате подхватила ставшую ненужной сумку и двинулась к выходу.

Девушка что-то крикнула вслед, я не расслышала, что именно. Тогда она быстро догнала меня и сунула в руки направление на операцию и паспорт:

– Женщина, документы забыли! Будьте внимательней, а то ещё под машину попадёте! – непонятно к чему посоветовала она.

– Только и осталось, – молнией пронеслась в пустой голове шальная мысль.

Автобус, как обычно бывает в это время, был почти пустой. Я заняла любимое место у окна и погрузилась в себя.

Там всё бурлило и клокотало. Праведный гнев непонятно на кого, безграничное возмущение и негодование и Бог знает ещё какие чувства, распирали мою грудь.

– Как такое возможно?! Два врача в разных городах почти одновременно ушли: один в отпуск отдыхать, другой – в отпуск, маму хоронить. Неужели Алексей прав, и Бог и вправду забыл обо мне?

– Ха. Вспомнила в кои-то веки про Бога! – возмутился мой внутренний критик-ханжа.

– Заткнись! – рявкнула я ему. – Не твоё дело, про кого я вспоминаю, когда и почему!

– Одно совершенно очевидно – я действительно патологически невезучее существо!

Мой внутренний драматический диалог прервал голос кондуктора:

– Следующая остановка – «Площадь Победы».

И я обреченно пошла на выход.

Глава 11

Уж лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас

Дома было тихо и пусто.

Сумку с непригодившимися вещами оставила в прихожей, прошла в детскую, оттуда – в спальню, потом – в кухню и опять по кругу. Сколько таких кругов намотала за час – не знаю.

Зато теперь я очень хорошо знаю, как чувствует себя загнанный в угол зверь. Изо всех своих звериных сил он мечется в поисках выхода, тычет носом в щели между прутьями клетки в надежде найти выход, а значит, найти спасение.

С воли до него доносится уйма звуков, запахов, он видит людей, он видит свет и сбивает в кровь лапы, царапаясь к нему. Только клетка, в которую он угодил, не отпускает его. В ней нет выхода. Вернее, он есть, только эту скрытую от зверя дверцу может открыть тот, кто знает, где она находится.

А зверь этого не знает, поэтому и бегаёт затравленно по периметру клетки, умоляющим взором призывает к милосердию глазающих на него зевак.

И хорошо, если зеваки только смотрят и бессердечно насмеются над страданиями беззащитного животного. Все-

гда находится тот, кто желая ещё больше повеселиться и почувствовать свою силу, засунув в клетку палку, начинает бить ею затравленное создание.

Отбиваясь из последних сил, зверь рычит и скалит зубы, а мучитель торжественно хохочет во всё горло... И когда травля заканчивается, а мучители расходятся, обессиленное животное может отдохнуть от всего этого ужаса с тем, чтобы завтра повторить всё сначала. И когда он понимает, что все его попытки абсолютно бесполезны, он просто ложится и умирает. И тогда его душа получает свободу от всех страданий и уходит в лучший из миров...

– Эврика! – закричала я. – Так вот же он, выход! Если тело не получается вылечить, из него можно уйти. И для меня закончится весь этот ужас: мытарства по больницам и врачам, закончится боль и переживания, закончатся в конец испорченные отношения с мужем.

– А как же твои девчонки? – полюбопытствовал критик. – Как им без тебя придётся, ты о них подумала?

– Подумала, – зло ответила я. – Уверена, что без такой мамы им будет только лучше. Что они видят? Вечно охающую, стонущую мамку. А им хочется играть, бегать, веселиться вместе со мной. А я не могу, потому что всё болит. И это выводит меня из равновесия, я раздражаюсь и нервничаю, повышаю голос. Конечно, раздражаюсь на себя, на своё бессилие и беспомощность, а достается им. Зачем им такая мать? Отец справится, до ума доведёт. Ну а если что... ин-

тернат у нас под боком. Сама там работала, видела: обувают, одевают, кормят, учат.

– А кто им там любовь даст? По душам поговорит?

– Хватит мне на жалость давить! – вспыхнула я. – А я им что, любви много даю? Сил едва хватает на обычные дела. Всё! Я решила, так что заткнись и молчи! – в злости отчаяния огрызнулась я.

– А твоя мама переживёт ли твою смерть? – несмотря на мои угрозы, спросил голос. – Она же от горя с ума сойдёт...

– Не сойдёт, – жестко ответила я. – У мамы ещё Толик есть, мой старший брат, он её утешит.

Внутри повисла короткая пауза.

– Извини, а как ты решила это сделать? Ну, я имею ввиду, свести счёты с жизнью? – робко поинтересовался голос.

– Сыграть в ящик, заказать музыку и белые тапки, надеть деревянный макинтош, кони двинуть, – продолжила я, грустно улыбаясь. – Да ещё сама не знаю. Надо подумать...

Умаявшись в беге по клетке квартиры, прилегла на диван. Взгляд скользнул по обшарпанным обоям и ободранному во многих местах потолку...

И мгновенно в моей голове возник совершенно чёткий план дальнейшего развития событий.

– Если уходить, то так, чтоб не было мучительно больно... – перефразировала я известного писателя. – Чтоб моя совесть была чиста, а душа спокойна на том свете, нужно как

следует подготовиться. Во-первых, надо сделать ремонт. Лет на пять его хватит. И мои девочки будут жить в чистой квартире.

Во-вторых, надо навязать-нашить им обновки. При нашей системе всеобщего дефицита лучше и придумать сложно. И так мои девчурки самые красивые во всём садике: модничают в самодельных юбочках и платьицах.

И наконец, в-третьих – тщательно продумать сам уход. Всё должно быть так, словно моя смерть – несчастный случай. И чтоб никого не винили. И чтоб красиво было. А то посмотришь на утопленников – синие, отёкшие, словно надутые резиновые куклы, с распухшими до неузнаваемости, лицами. А повесившиеся и того краше – язык вывален, глаза выпучены, а внизу, под трупиком – лужа мочи и кучка кала в трусах. Нет уж, умирать, так красиво. Чтоб я лежала в гробу, а мною все собравшиеся любовались и утирая слёзы, шептали:

– Лежит, как живая! Просто красавица! И молодая такая! Ей бы жить да жить! Ах, как жалко...

И кто его знает, может и я услышу эти слова и тихонько за себя порадуюсь...

А сейчас я лежала ещё живая и тоже тихонько радовалась. Радовалась тому, что нашла выход из этой затянувшейся тупиковой ситуации, радовалась намеченному плану, и больше всего радовалась тому покою, который воцарил в моей измученной страхами, сомнениями и тревогами, душе.

– Уж лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас, – ре-
зюмировал один из моих голосов-умников.

Глава 12

Обои в ромашку

Абсолютно конкретные и понятные мне цели и страстное желание достичь их, придали мне сил и уверенности, что я двигаюсь в правильном направлении.

А внутреннее спокойствие сделало мои отношения с мужем и детьми тёплыми и даже радостными. Алексей был явно растерян, не понимая, что со мной происходит. Но в душу с расспросами не лез. Только обронил однажды, увидев, как я, стоя посреди комнаты, вслух мечтаю о перестановке и о новых обоях в цветочек:

– Чем бы дитя не тешилось...

Как электровеник, я носилась по хозяйственным и строительным магазинам в поисках подходящих обоев, красок, кистей, клея и прочих ремонтных штучек.

В эпоху тотального дефицита найти то, что ляжет тебе на душу, было большим счастьем. На полупустых полках уныло томилась траурного цвета бумажные обои с каким-то невысказанным геометрическим рисунком. Им под стать, ровными рядами, в одинаковых тёмных банках стояла мрачного вида краска. Наклейки на банках были примерно одного тона: от почти чёрного до грязно-коричневого. Белые и более оптимистичные цвета отсутствовали напрочь.

Прикрыв на секунду глаза, представила эти обои на стенах своей комнаты, а краску – на полу. Сразу захотелось поскорей к праотцам. БРРР! А там ведь мои дети жить будут!

– Нет, так не годится! Надо искать! – приказала я себе и лёгким галопом поскакала в другой магазин.

Там картина была примерно такая же. Третий магазин был такой, как первые два. словно близнецы-братья похожие, голые и скучные внутри. Ещё оставался один, неисследованный мною, магазинчик в железнодорожной части города.

Недолго думая, прыгнула на подножку вовремя подвернувшегося автобуса и уже через двадцать минут с нескрываемым любопытством разглядывала такие же полупустые полки, в надежде отыскать среди мрачных рулонов заветные весёленькие цветочки. Внимательно, уже по третьему кругу, разглядывала рулон за рулоном. Цветочками и не пахло...

– Вот невезуха, – мелькнула знакомая мыслишка.

Я так глубоко погрузилась в свои раскопки, что совсем забыла о присутствии других людей, то бишь, продавцов. А один из них, мужчина, с явным любопытством разглядывал меня.

– Девушка, что вы там ищете? – искренне поинтересовался он.

Я уже давно не слышала такого обращения в свой адрес, поэтому и откликаться на «девушку» не стала.

Тогда он сделал несколько шагов в мою сторону и снова повторил вопрос с какими-то ироничными нотками в при-

ятном низком голосе.

Я даже растерялась от неожиданности.

– Это вы меня спрашиваете? – уточнила я, повертев головой. Из покупателей здесь больше никого не было.

– Конечно же вас, девушка, – хитровато улыбнулся мужчина. – Так что вы у нас забыли?

Терять мне было нечего, набравшись смелости, в такой же бойкой, не свойственной мне манере, ответила:

– Обои в цветочек забыла, – и улыбнулась в ответ.

Взгляд мужчины скользнул по губам, потом опустился на мою пышную грудь и ниже. Его лицо покрылось лёгкой испариной, он вздохнул и облизнул пересохшие губы.

– Очень надо? – спросил каким-то срывающимся голосом.

Глядя ему прямо в глаза и широко улыбаясь, ответила:

– ОООчень-преочень!

– Ну, если очень-преочень, тогда будем искать! – заговорщицки подмигнул и исчез за огромной железной дверью с малюсенькой табличкой «склад».

– Какой добрый человек! – восхитилась я мысленно. – Только смотрит как-то странно и почему-то потеет. Может, заболел? – наивно подумала я.

Добрый человек вернулся довольно быстро. Его большие жилистые руки обнимали огромную охапку обоев. Смешно пытая и фыркая, он донёс их до видавшего виды стола и бережно разложил на нём рулоны.

– Смотри и выбирай! – переходя на «ты», предложил про-

давец, явно довольный собой, продолжая улыбаться.

Ещё не веря своему счастью, осторожно отворачивала уголок за уголком в каждом рулоне. Чего здесь только не было!!! Большие красные розы на кремовом фоне, яркие алые маки на зелёной траве, васильки попеременно с незабудками...

– Какие красивые! – восхищенно воскликнула я. – А почему они у вас на складе, а не в магазине лежат? – задала мужчине свой детский вопрос.

Тот хмыкнул, поперхнулся, хотел что-то сказать, но осёкся и замолчал, во все глаза уставившись на меня, как на единственный живой экземпляр давно исчезнувшего вида.

Через пару минут, обретя дар речи, поинтересовался шёпотом:

– Какие берём?

Задумчиво покачала головой.

– А с ромашками у вас есть? – опять спросила я.

– С ромашками?! – удивлённо повысил голос мужчина. – А розы тебе что не подходят?

– Розы красивые, спору нет. Только вот ромашки – мои самые любимые цветы, – тихо пояснила я и виновато опустила голову.

Мужчина молча метнулся на склад, также быстро вернулся с одним единственным рулончиком. Молча развернул – на меня смотрели нежные скромные ромашки.

– Какие они чудесные! Как настоящие! Это как раз то, что

надо! Вот то, о чём я мечтала! – воскликнула я. – Да вы просто волшебник! – восхищенно чирикала я, широко улыбаясь и светясь счастьем.

От полноты чувств я легонечко обняла своего кудесника и нежно чмокнула его в небритую щеку. Мужчина ошеломленно замер и так стоял несколько минут, не мигая, и кажется, не дыша.

А я радостно вертела обойный рулон в поисках ценника. Увидела и глазам не поверила – 80 копеек! Таких цен давно уже не было, самые дешёвые – полтора рубля и выше.

– Вот так праздник вы мне сегодня устроили! – радостно продолжала обсыпать благодарностью застывшего в изумлении, мужчину. – Мне для комнаты нужно десять рулончиков. У вас столько найдётся?

Стоявший столбом продавец с видимым усилием кивнул головой, медленно отмер и, механически переставляя ноги, двинулся к заветной двери.

А я, оставшись одна, неожиданно для самой себя, вдруг запрыгала от радости на одной ножке, как в далёком детстве. Как открылась дверь склада, я не видела. А только услышала стук падающих на пол обоев: их уронил мужчина, вконец обалдевший от увиденного. Всплеснув руками и ойкнув, я опрометью бросилась ему на помощь. Десять рулонов были молча увязаны в два больших свитка и крепко-накрепко перевязаны верёвкой. Очумелец-продавец связал из верёвки по ручке на каждой вязанке.

– Чтоб удобно было нести, – зачем-то пояснил он, хотя всё и так было понятно.

Подошла к кассе, радостно отдала деньги и уже собралась уходить.

– А тебе, вам... куда надо? Где живёшь... живёте? – отчего-то заикаясь, поинтересовался напрочь ошарашенный мужчина.

– В речной части живу. А как буду добираться я даже и не думала: так обрадовалась, – растерянно пояснила я.

Мужчина внимательно посмотрел своими округлившимися глазами сначала на меня, потом на часы и сказал:

– Через пять минут обеденный перерыв. Если хочешь.. если вы хотите, я подвезу вас, – слегка заикаясь, предложил он.

Заглянула в кошелёк, вытряхнула всё содержимое на ладонь.

– А у меня денег не осталось, чтоб вам заплатить, – огорченно произнесла я, показывая последние копейки на открытой ладони.

– Да ладно, я так доведу, – махнул рукой мой неожиданный помощник, легко подхватил обе вязанки и пошёл к выходу.

Теперь я остолбенела.

– Это как просто так? Разве такое бывает? – едва пролепетала я.

Уже на выходе мужчина оглянулся и, улыбнувшись, спросил:

– Так вы идёте или остаётесь с розами-мимозами?

– Иду, иду, – поспешила и я на выход.

Закрыв на огромный амбарный замок магазин, мужчина пошёл за угол, я – за ним. Там стоял маленький желтый «Запорожец». Быстро, умело загрузил обои, открыл дверцу машины, приглашая меня сесть. Сел сам, взялся за руль, и вдруг, стукнув себя по лбу, спросил:

– А чем клеить будете? Клей есть дома? Валик?

– Не-а, нету, – отрицательно покачала головой в ответ.

– Я сейчас, подождите немного, – сказал и ушёл.

– Вот это дела, – произнесла я вслух. – Интересно, что же дальше-то будет...

Вернулся он довольно быстро. В руках – коробка обойного клея и мягкий белый валик. Поймал вопросительный взгляд.

– Это – мой подарок тебе.. вам, – и улыбнулся широкой доброй улыбкой. – Куда ехать прикажете?

Я назвала адрес. До дома ехали молча, каждый думал о своём.

– Какой этаж? – спросил мужчина.

– Третий, – ответила я, теряясь в догадках, почему он это делает.

– Вы – очень необычная женщина. И очень красивая, – словно услышав мои мысли, ответил он. – Вашему мужу очень повезло с вами, – вздыхая, произнёс мужчина.

От неожиданной откровенности я опять растерялась.

Молча поднялись к двери квартиры, молча занёс обои и на прощание протянул большую открытую ладонь. Пожатие сильной руки было приятным и немного волнующим.

– Нужна будет помощь обращайтесь, – сказал и исчез за дверью.

Прошла по обыкновению на кухню, присела на табуретку. Надо было как-то переварить случившееся.

Может, мне всё это приснилось? Бесконечные поиски по магазинам, чудесная встреча, обои в ромашку... Вышла в прихожку, обои лежат на полу, клей, валик рядом... Для пущей убедительности пощупала, отогнула уголок – мне робко улыбалась нарисованная ромашка.

Посмотрела в зеркало и не узнала себя. Вместо замученной проблемами уставшей женщины, на меня смотрела статная дама с сияющими глазами, милой улыбкой и красивой высокой грудью.

– Красивая? необычная? – это про тебя, – сказала своему отражению. – Наверное, так увидел меня этот чужой мужчина. А вот муж уже давно таких слов не говорит, и не смотрит так, как раньше.

Грустно вздохнув, пошла пристраивать ромашки.

Глава 13

Приближение грозы пропустила

Оставшееся до вечера время прошло на небывалом для меня подъёме. За несколько часов я умудрилась переделать кучу домашней работы: пропылесосила новеньким пылесосом «Ракета» все ковры и паласы, вымыла полы, перестирала давно просившее чистоты, белье, и приступила к приготовлению ужина.

– Самый главный человек в твоей жизни после замужества – твой муж, – вспомнила слова своей мамы. – Поэтому помни, дочка, что в доме всегда должно быть чисто, а на столе – вкусная еда. Иначе быть беде...

– Ох, мамочка, знала бы ты только, что в моём доме практически всегда чисто, и еда вкусная на столе, только вот беда все равно пришла к нам, – мысленно обратилась к своей такой любимой и такой далёкой маме. – Наверное, ты мне чего-то недоговаривала, или я упустила что-то очень и очень важное.

Продолжая мысленно беседовать с мамой, суежилась у плиты, готовя по своему обыкновению, обед (ужин ли?) из трёх блюд с компотом в придачу. За шипением и шкварчанием готовившийся еды не услышала, как открылась входная дверь и вошёл муж, удивительно рано вернувшийся с ра-

боты.

– И что это ты тут раздухарился, мой родной? – почти над ухом прозвучал голос Алексея.

От неожиданности я вздрогнула и выронила нож, которым нарезала лук для жарки. Ноги вмиг ослабели, и я мягко опустилась на стоящий рядом детский стульчик.

– Что, не ждала? – со скрытой угрозой в голосе поинтересовался муж, с явным интересом разглядывая меня.

– Что ты, милый, и ждала и жду. Видишь, ужин для тебя готовлю, весь дом убрала... – ответила мужу, отчего-то растерявшись, словно меня застали за каким-то неприличным занятием.

Муж не ответил, молча вышел из кухни. Я вернулась к своей стряпне. Настроение было слегка подпорчено.

– Наверное, на работе неприятности, не буду обращать внимание, – постаралась успокоить себя.

Через несколько минут Алексей вернулся, переодетый в домашнюю рубашку в клеточку. Вальяжно развалился на стуле, закинув ногу на ногу.

– Смотрю, обои прикупила? Где раздобыла? – продолжал свои расспросы муж.

– Алёшенька, сейчас закончу готовку и расскажу, как мне сегодня повезло, – глядя мужу в глаза и смущённо улыбаясь, пообещала я.

Тот согласно кивнул головой.

– Есть будешь? – вытирая замызганным фартуком руки,

спросила смотревшего исподлобья, мужа.

Он отрицательно покачал головой:

– Неохота что-то, – и добавил: – А вот чайковского для души можешь поставить.

– Ты же целый день на работе, – не унималась я. – Или тебя кто-то там кормит? – с явной иронией задала вопрос, одновременно ставя на огонь чайник.

Алексей заметно вздрогнул, напрягся, глаза забегали по сторонам, а лицо заметно потемнело.

– Ой, ой, ой, – не к добру это, – испугалась я, хоть виду старалась не подавать.

– Что несёшь? – грозно нахмутив брови, рявкнул он. – Сама знаешь, как вкусно готовят в совхозной столовой. За уши не оттащишь. Вот и хожу туда обедать. А когда-никогда девчата прямо в кабинет принесут. Так что я сыт. Чаю-то ещё долго ждать? – опять спросил муж.

Я поспешила поставить на стол сахар, вчерашние пирожки и мамино вишнёвое варенье. Налила две чашки чаю и присела напротив.

Смачно отхлёбывая крутой кипяток, муж продолжал исподлобья изучающее смотреть на меня.

– Ты мне хотела рассказать, как тебе повезло, – напомнил он с какими-то зловещими нотками в своём красивом голосе.

Забыв про чай, радостно всплеснула руками и на одном дыхании, со всеми деталями, поведала Алексею про удачную

покупку.

С особым вдохновением, подробненько, в красках и цвете, расписала мужчину-продавца, который не только вынес со склада нужные мне обои, но и помог их довести до дома.

Я действительно была просто искренне поражена, восхищена таким мужским поступком. И я так хотела, чтоб мой муж разделил со мной мою почти детскую чистую радость. Радость от того, что стены в одной нашей комнате будут оклеены моими любимыми ромашками; радость оттого, что мне удалось их найти, и оттого, что в этом мире есть настоящие мужчины, готовые прийти на помощь в трудный момент.

О, если б я была не так сильно поглощена своими бившими через край эмоциями, то я смогла бы заметить приближение грозы. Я бы смогла заметить, что муж перестал пить чай и отодвинул чашку.

Его губы плотно сжались, брови сошлись на переносице, и лицо продолжало темнеть, не предвещая ничего хорошего, а тем более – радости за меня. Когда я закончила и наконец-то увидела его сжатые и побелевшие от напряжения кулаки, мне стало жутко, и по всему телу пробежала дрожь. Мы молча смотрели друг на друга. В воздухе висело тяжёлое и вязкое молчание. Алексей нарушил его первым:

– Так вот, значит, чем ты занимаешься, когда я на работе ишачу, – как змий, прошипел он, сверля меня ненавидящим взглядом. – С первым встречным заигрываешь, мужи-

кам глазки строишь, стерва такая! И совести хватает домой водить! – постепенно голос муж набирал обороты.

Я не ожидала ничего подобного. Сидела, как оплётанная, растерянно хлопая глазами.

– Небось, натешились вдоволь, а потом и уборочку вместе сделали, чтоб перед муженьком чистенькой остаться. Вот, мол, какая я у тебя хорошая. А сама, сучка драная... – И вдобавок, грязно выругался.

До меня медленно доходил смысл его слов. А когда дошёл, я просто задохнулась от возмущения и обиды. Открыла рот, чтоб ответить на оскорбления, да так и не смогла: слова застряли в горле, вдруг стало не хватать воздуха, и я открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег, рыба. Я чувствовала, как мои глаза расширяются, и из них выкатываются крупные горошины слёз, и одна за другой падают на мой толстый, выдающийся вперед, живот. А моё тело невольно стало отвечать на несправедливые обвинения моего разгневанного мужа.

– А ты, наверное, думала, что я поверю твоим сказкам про то, что мужик тебе просто так помог? – продолжал бушевать Алексей.

Моя голова согласно закивала, соглашаясь с услышанным, губы слегка улыбнулись.

– Ну ты и наивная дурочка!

И опять голова согласилась, кивнув вперед.

– Да я тебя, стерву, такую, насквозь вижу! Ты же под лю-

бого встречного-поперечного готова лечь! – буянил муж.

А моя голова отрицательно мотала из стороны в сторону, выражая несогласие, плечи поднялись и напряглись.

– А ещё притворяется, что смертельно больна! – ужалил в самое больное.

И опять голова согласно закивала, глаза слегка прикрылись, соглашаясь с тем, что смертельно больна.

Вероятно, этот жест был понят иначе.

– Вот, вот, сама соглашаешься! – кипел муж.

И вдруг тело перестало реагировать, опомнилось и замерло, отказываясь доказывать свою невиновность.

И правильно – разве можно доказать то, что доказать нельзя и во что можно просто верить?

Я во все глаза отрешенно смотрела на сидящего передо мной мужчину, и понимала, что я его совсем не знаю.

Мой муж был нежным, ласковым, понимающим и справедливым. И говорил он со мной уважительно и спокойно.

А передо мной брызгал слюной седой старик с лицом, искореженным гневом. Большие голубые глаза почернели. Из них, как на пожаре, вылетали искры, готовые испепелить меня заживо. Его рот изрыгал оскорбительные, непристойные слова. Голос был по-старчески скрипучим. Губы кривились в косой ухмылке, показывающей своё призрение и превосходство. Седые волосы некрасиво растрепались и встали дыбарем, как у ведьмака. Большие пальцы то и дело превращались в кулаки, угрожающе направленные в мою сторону.

– Вот это и есть твой муж, – тихонько сказал мой внутренний голос. И немного помолчав, добавил: – Настоящий.

– Не может быть!!! – про себя ответила ему.

– Ещё как может! – заверил меня тот. – Поверь своим глазам...

Бесноватый старик, сидевший напротив, перешёл на крик:

– Ты что застыла, как мумия? Скажи, большие ли рога ты мне наставила? Наверное, олень обзавидуется?

Я отстраненно наблюдала за ним, представляя, как бы оленьи рога смотрелись на его большой голове.

– Зря ты ему не наставила рогов, – ехидно произнес ещё один голос внутри.

И я вдруг неожиданно для себя самой, согласилась с этим.

– Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть, – очень кстати вспомнилась чья-то строчка.

– Давно пора, а то сколько можно слушать весь этот бред. Каждый день, через день пилит, к столбу ревнует. Давай, хоть напоследок отомсти старому дураку, – подначивал язвительный голосишка.

– Ладно, разберусь. А сейчас заткнитесь вы все там, – рывкнула я разболтавшимся субличностям.

Пока шла перепалку снаружи и внутри, слёзы высохли, и я успокоилась.

Разгневанный старик тоже замолчал, видать, притомился.

– Я тебе никогда не изменяла, и ты об этом знаешь, – ровным голосом произнесла я. – Почему ты меня ревнуешь,

до сих пор не могу понять. И если ты хочешь, я буду дома сидеть, а ты сам бегай по магазинам в поисках подходящих обоев.

Не дожидаясь ответа, поднялась и пошла в комнату переодеваться – пора забирать девочек из сада.

Ошарашенный моим неожиданным поведением муж, остался сидеть на кухне...

Глава 14

Вечернее путешествие в сказку

Весь вечер провела со своими любимыми девчонками, девочками-припевочками, как мы их называли между собой.

Вдоволь накачавшись на дворовых качелях и набегавшись в догонялки втроём, с соседкой девочкой и неразлучной подругой Машкой, с хохотом и визгами, обгоняя друг друга, наперегонки, мчались вверх, на третий этаж, каждая в свою квартиру.

Машуля жила с нами на одной площадке. Её родители приехали из Москвы несколько лет назад и поселились у нас за стенкой, в однокомнатной квартире. Я знала, что появились новые соседи, но ещё не видела их, а только слышала стук молотка и скрежет дрели – новые жильцы затеяли ремонт. А ещё частенько из-за стенки доносился детский капризный голосок, что-то очень настойчиво просивший у своей мамы.

Я впервые увидела Машу, когда, нагруженная продуктами, полученными по карточкам, поднималась к себе.

Дверь соседской квартиры была открыта настежь, прямо на пороге стояла старая ванна, готовая к торжественному выносу. А прямо передо мной, посредине лестничной площадки, стоял упитанный карапуз в тёплом вязанном коричне-

вом комбинезоне. Сразу и не поймёшь – то ли девочка, то ли мальчик. В руках ребёнок держал необыкновенной красоты куклу.

– Таких у нас днём с огнём не найти, – молнией пронеслось в моей голове. – Стало быть – девочка.

Девчужка пристально смотрела на меня изучающим взглядом.

– А ты кто? – наконец-то спросила она.

– Я? – слегка удивилась я такому вопросу. – Я – тётя Люба. А ты кто? – в свою очередь поинтересовалась я.

– А я – Маша. Теперь я здесь буду жить с мамой и папой. А ты с кем живёшь? У тебя дети есть? – не унималась девочка.

– Да, у меня две девочки и мальчик. Будешь с ними дружить?

Маша радостно улыбнулась:

– Конечно, буду. А то у меня никого нет: ни братика, ни сестрички. Скучно одной бывает. А ты меня с ними познакомишь? – задала очередной вопрос малышка.

Ответить на него я не успела – в проёме дверей появился мужчина и обращаясь к девочке, произнес с лёгким укором в голосе:

– Машуля, не познакомишь, а познакомите, сколько раз тебе говорить, что со взрослыми надо говорить на «вы»? – на ходу проводил воспитательную беседу папа девочки. И уже обращаясь ко мне:

– Извините её, пожалуйста. Я – ваш новый сосед, меня Константин зовут, – и протянул руку, приветливо улыбаясь.

Я тоже улыбнулась в ответ, и немного растерялась – обе руки были заняты.

– Давайте я вам помогу, – быстро сказал, быстро взял тяжеленные сумки и подождал, пока я открою ключом дверь. Перешагнул порог, поставил на пол.

– Спасибо вам, Константин, – поблагодарила я нового соседа.

– Да не за что, – смутился тот. – Давайте будем дружить по-соседски, и пусть наши дети дружат, – предложил Костя.

Я с радостью согласилась...

Тогда Маше было три годика, Наташе – два, а Любаше – один. С тех пор они так и дружат. И их частенько принимают за тройняшек, они даже похожи друг на друга.

...Машуля первой добежала до своей двери, за ней – живчик Наташа, Любашка, как это часто бывало, оставалась в хвосте – хоть и редко, но ещё болели ножки. На весёлый смех детей вышла Татьяна, машина мама. Машка, широко раскинув руки, бросилась ей на шею.

– Мамочка, милая, как я рада тебя видеть! Мамулечка, отпусти меня к девочкам. Они диафильмы будут смотреть, и я тоже хочу.

Таня покачала головой:

– Так вы ещё не наигрались? Да и поужинать бы надо.

– Мамочка, я не хочу. Ну на полчаса, ну, пожалуйста, –

настойчиво продолжала упрашивать девочка.

Мы с Таней встретились глазами, я кивнула –пусти мол, ребёнка. Соседка согласно кивнула в ответ.

– Ну ладно, так уж и быть. Но только на полчаса, – сказала та.

Весёлая тройца шумно ввалилась в прихожую. На их крики и визги вышел Алексей.

– Это что ещё такое – шум есть, а драки нет? – нахмутив брови, пробасил он.

– Папочка, а Машка с нами будет диафильмы смотреть, – быстренько поставила отца в известность его любимица Наташка.

– Ладно, смотрите, – милостиво согласился отец. – Только сперва чайку попейте с мамкиными пирожками, они вас на кухне дожидаются. А я пойду газеты просмотрю, – сказал и ушёл к себе.

Девчоночки быстренько вымыли запачканные песком ручки и расселись за столом, каждая на своё место.

У Маши за нашим столом тоже было своё место. И она этим очень гордилась. Уплетая за обе щеки пирожки с яблоками вприкуску с вишнёвым вареньем, девчушки продолжали весело щебетать.

А я присела рядышком и молча любовалась ими, такими родными и такими трогательными в своей детской непосредственности и открытости.

Закончив трапезничать, помогли убрать со стола, опять

вымыли перепачканные вареньем ручонки и весёлой стайкой поспешили в спальню.

Наташка достала коробку с фильмоскопом, Любашка – коробку с диафильмами. Машка с интересом наблюдала за оживлённой возней подруг. А я задала свой традиционный, в таких случаях, вопрос:

– Про что будем смотреть?

И традиционно услышала не три, а тридцать три предложения:

– Про золотую рыбку, – просила одна.

– Про тридевятое царство, – просила другая.

– Нет, давайте про диких лебедей, – предлагала третья.

Наконец, компромисс был найден, и мы все удобно расположились на большой кровати.

Я лежала посредине, на левой руке примостилась Наташа, на правой – Любаша в обнимку с Машей. Нашим экраном был белый потолок: самый лучший и самый большой экран, какой только можно пожелать.

Сегодня была Любашкина очередь крутить ручку фильмоскопа, чем она чрезвычайно гордилась. Ведь она не просто крутила ручку, она показывала всем нам чудесную сказку.

И обычно за это право шла серьёзная конкуренция: каждая хотела быть той самой маленькой сказочной феей, которая дарит своим близким чуть-чуть вечернего волшебства. И что бы избежать обид и чтоб девочки были довольны, я придумала своеобразный график-очередь.

И сегодня был звёздный вечер моей Любашки. Она с нетерпением посмотрела на меня в ожидании одобрения на начало просмотра. Я погладила её по шелковистым, вкусно пахнущим волосикам и кивнула головой:

– Поехали, мои хорошие.

И мы поехали на крыльях фантазии в сказку о царе Салтане. Сегодня общим голосованием был выбран Пушкин.

Любашка старательно крутила ручку фильмоскопа, а я с выражением читала текст на потолке, стараясь говорить голосами нарисованных героев, передавая самые тонкие оттенки чувств.

С первого кадра мы как будто сами стали участниками известной сказки. Надо было видеть и слышать, как маленькие девочки соперничали молодой царице и её новорожденному сынишке, как они сердито сжимали кулачки и отчаянно грозили ими двум сёстрам-злодейкам. Попадись те прямо сейчас возмущённой детворе, не миновать бы им расправы: три маленькие фурии уж точно затолкали бы их в бочку и пустили по волнам по морям. А сколько было ликования и радости в конце! Мы обнимались между собой, разделяя счастье встречи любящих друг друга людей.

И вздохнули с облегчением: справедливость восторжествовала, и мы вкусно причмокивали, побывав на званом пире... Мне даже самой показалось, что я чувствую вкус мёда, стекающего по несуществующим усам...

Довольные и счастливые, девочки проводили подружку

до порога её квартиры, и стали готовиться ко сну.

Уснули быстро и сладко засопели курносыми носиками, и блаженно заулыбались во сне.

Желая надолго запомнить, впитать в себя эту особую, светлую и чистую атмосферу детства, сидела и жадно вглядывалась в такие родные детские лица, вдыхала их ни с чем несравнимый аромат...

Дети пахли молоком, солнцем, цветами, пахли счастьем и любовью. На цыпочках тихонечко подошла к старшей, погладила по головке, осторожно поцеловала в персиковую щечку.

Потом также тихо подошла к младшей, погладила, поцеловала в лобик. Очень захотелось остаться с ними, моими родными девчонками. Прилегла рядом и незаметно для себя заснула...

Глава 15

Дармовые обои

Проснулась только утром от шума хлопнувшей двери – муж ушёл на работу.

– Вот и хорошо, – подумала я, – и ночь прошла спокойно, и утро хорошо начинается.

В окно приветливо улыбалось яркое летнее солнышко. Его лучики играли на лицах спящих детишек. Ещё было рано, чтоб их будить. Привела себя в порядок, почувствовала давно привычную боль в низу живота. К горлу подкатила противная тошнота, зазвенело в голове...

– Почалось в колхозе утро, – горько улыбнулась неведомо кому. – Надо с ремонтом-то поторопиться, пока ещё силы есть, – сказала вслух, и согласилась. – Сегодня комнату подготовлю, а завтра и начну.

С такими мыслями побрела на кухню ставить чайник...

Вскоре проснулась наша ранняя пташка – Наташка. Весело желая мне доброго утра и чирикая про солнышко и лето, нежно обняла меня двумя ручонками за талию, выше ещё просто не выросла.

Вслед за ней, потирая сонные глазёнки, на кухне появилась младшая, Любашка. И тоже обняла меня. Несколько минут мы так и стояли втроём, словно приклеенные друг

к дружке.

И исчезло время. Осталась только чистая Любовь и Нежность, переполняющая каждую из нас и переливающаяся из сердца в сердце по кругу...

Трудно сказать, как долго мы так стояли. Детские ручки наконец отпустили меня и опять повторился День сурка: девочки по очереди поспешили писать, какать, умываться, одеваться, пить традиционный утренний чай.

Ранний звонок в дверь на мгновение прервал утреннюю суету: на пороге стояла улыбающаяся соседка, а из-за её спины выглядывала Машка, таращась на девочек хитрющими глазёнками.

– Любаш, давай я сегодня и твоих в садик отведу, им втроём веселей, – предложила Татьяна в ответ на мой немой вопрос.

Я охотно согласилась. От неожиданно свалившегося счастья девчонки весело запрыгали и захлопали в ладоши.

Мигом обулись, каждая схватила сумочку с запасными вещами, второпях чмокнули меня в щёку и стремглав выбежали в коридор. Я едва успела помахать им вслед на прощание.

– Пора комнату готовить к ремонту, – сказала своему отражению в зеркале и пошла сортировать вещи и складывать их в коробки. За этим занятием и застал меня муж, приехавший около полудня, домой.

– Смотри, что я тебе привёз, – забыв поздороваться, сказал Алексей, жестом приглашая в прихожую.

Я послушно последовала за ним. На полу, обвязанные верёвками, лежали три больших тюка с обоями. Я удивлённо подняла брови и вопросительно посмотрела на мужа.

– Да ты только посмотри, какие они! Я их по большому благу у начальника порта выпросил, и тот по старой памяти отдал! – воскликнул Алексей, явно довольный собой.

Он помог мне достать из связки один рулон. И когда я его развернула, от удивления не могла и слова вымолвить. Большие и маленькие чёрные ромбы на ядовито-зелёном фоне лишили меня дара речи на некоторое время...

Муж пристально наблюдал за моей реакцией.

– Правда, интересный рисунок? – искренне веря в то, что это так на самом деле, спросил муж.

Я стояла столбом и не знала, как себя повести. Сказать, что мне не нравится – значит, явно нарваться на неприятности. Согласиться и оклеить хотя бы одну комнату этим ужасом, тогда можно не париться по поводу способа своей кончины – тогда уж непременно помру, потому что жить в такой комнате будет просто невозможно, а умереть – легко.

Слова нашлись сами:

– Да, милый, ты прав: обои действительно хороши. Но только не для нашей квартиры. А скорей, для какого-нибудь кабинета строгого начальника. Возможно, на зоне будут к месту.

Алексей нахмурился:

– Ну, а почему бы тебе не поклеить ими нашу комнату?

– Да потому, что в комнате с такой ядовитой зеленью мне и яда не потребуется – от тоски умру. Ты этого хочешь? А девочки себя как будут чувствовать среди этой начертательной геометрии? Ты про это подумал? – переходя из обороны в наступление, поинтересовалась я с едва заметной иронией в голосе. А потом подошла к стене и молча развернула рулон, показывая как всё будет выглядеть.

Муж помолчал, явно что-то прикидывая в уме.

– Да уж, насчёт девчонок я и не подумал. Да и обои дармовые. А ты же знаешь, что на халяву и уксус сладкий, – стал оправдываться Алексей.

Я молча слушала. А он продолжил:

– Знаешь, я их попробую обменять. Вот сейчас позвоню Ганичеву и договорюсь на обмен.

– А если там ничего путного нет? – спросила я.

– Тогда по магазинам поеду, надо же нормальные найти, чтоб нам всем уютно жилось, – ответил муж.

– Делай, как считаешь нужным, – сказала я. – Обедать будешь?

– Да, можно перекусить, уже в животе урчит, – охотно согласился тот.

И я поспешила на кухню кормить незадачливого добытчика.

– А сама-то обедала? – поинтересовался муж, аппетитно уплетая жаренную на сале картошку со свиной отбивной.

– Обедала, – солгала я, желая свести к минимуму общение

с непредсказуемым супругом.

– Так хоть садись чайку попей вместе со мной, – предложил Алексей.

– Только перед твоим приходом чай пила, – не глядя ему в глаза, я опять солгала.

Он тяжело вздохнул, отодвинул тарелку и виновато опустил голову.

– Понимаю тебя: обижаешься. Любушка, девочка моя, ты прости меня, дурака старого. Сам порой себя не понимаю. И не хочу тебя обижать, а как будто чёрт в меня вселяется, и так по кочкам несёт, что остановиться не могу. А потом и стыдно, и злюсь на себя, а уж поздняк метаться – дело-то уж сделано.

От такого неожиданного признания у меня ком подступил к горлу и на глаза навернулись слёзы. Я быстро повернулась к плите, чтоб муж не заметил, как мои щёки стали мокрыми от солёного водопада.

– Родной мой, может, ты и вправду молодого любовника заведёшь? – вполне серьёзно полувопросительно предложил муж. – А то с меня толку, как с козла молока. И опять же и для здоровья полезно. Так ведь тебе врач советовал?

Его слова меня окончательно доконали, и уже не сдерживаясь, я зарыдала в голос.

– Да как он только мог допустить такое? я и любовник? При живом муже? И с его согласия? Да за кого он меня принимает, в конце концов?! – зашлось в обиде и праведном гне-

ве моё израненное словами мужа, Эго.

Обида, оскорблённое достоинство, унижение и гнев разрывали моё существо изнутри. Тело непрерывно сотрясалось от рыданий так, что мои плечи подпрыгивали к ушам, а грудь – к кончику носа.

Алексей, похоже, не ожидал такой реакции, испугался. Подлетел, крепко схватил за плечи и несколько раз сильно встряхнул.

– Да ты что же так разошлась?! Я же не хотел тебя обидеть! Я же как лучше хотел! – почти кричал прямо мне в ухо перепуганный муж.

Слёзы и сопли с новой силой потекли из всех щелей. Новый приступ рыданий продолжал сотрясать моё тело. Слова занозами застревали в горле, и вместо них из тела вылетало бессвязное мычание. Муж с новой силой потряс меня за плечи. Я разрыдалась так, что испугалась сама.

– Клин клином вышибают, – сказал Алексей и закатил мне звонкую пощёчину.

Результат был прямо противоположный: от нахлынувшей обиды я снова зашла в рыданиях, тело тряслось в непрерывных конвульсиях, и было ощущение, что все мои внутренности выворачиваются наизнанку. Почти животный вой безысходности вырвался из моей груди.

– Ну хватит уже! Успокойся ты! Сейчас соседи сбегутся на твой рёв! – муж продолжал попытки меня успокоить.

– И пусть сбегутся соседи! И пусть посмотрят, что ты

со мной делаешь, до чего доводишь! – мысленно кричала я мужу. – А то ведь люди думают, что ты нежный и заботливый, а ты – настоящий домашний тиран! Деспот, каких свет не видывал, вот ты кто!

Алексей выпустил меня из своих крепких рук, быстро набрал в стакан воды из-под крана и махом вылил мне на голову. Холодные струйки потекли по волосам и лицу, скатились за пазуху и потекли по спине.

– Быстро пошла в комнату! – не своим голосом проорал супруг, подталкивая меня в спину.

Я зашла в комнату и без сил рухнула на диван. Мокрое тело продолжало трястись – и от рыданий и от холода.

Через пару минут со стаканом в руке ко мне подошёл муж, молча поднял меня за шею, сунул в руки стакан и приказал:

– Пей немедленно!

Без слов, я послушно выпила содержимое, и сразу же закашлялась: в стакане был коньяк.

– Быстро снимай мокрое платье! – продолжал отдавать приказы разгневанный муж.

Моя попытка не удалась: руки тряслись, как у заядлого алкоголика, тело ходило ходуном. Алексей одним рывком сорвал с меня платье и нижнее, тоже мокрое, бельё, затем быстро надел длинную тёплую ночнушку и заботливо закутал одеялом.

– Сейчас всё пройдет, ты поспишь и успокоишься, – уже ровным голосом проговорил муж, поглаживая меня, как ма-

ленькую, по голове.

От выпитого коньяка по всему телу разлилось приятное тепло, и оно, наконец-то, успокоилось, рыдания затихли, притупилась внутренняя боль.

– Отдыхай спокойно, за девочек не переживай – я их заберу, – это было последнее, что я услышала перед тем, как провалиться в тяжёлое забытие.

Глава 16

Два сапога – пара

И из этого тяжёлого, мучительного забвенья меня вернули детские голоса. Я их слышала как бы издалека, из какого-то тёмного подземелья. Моё тело было налито свинцовой тяжестью, я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни глазом открыть.

– Папочка, а мама опять заболела? – донёсся до моего слуха встревоженный родной голосок.

– Нет, мои хорошие, она просто спит, устала за день, – поспешно успокоил девочек заботливый отец.

Вероятно, было уже поздно, и девочки вскоре стали готовиться ко сну. Охраняя мой покой, они тихо шептались между собой, и мимо дивана, на котором я лежала, проходили, затаив дыхание.

Комнаты у нас были смежные, поэтому всем нам приходилось подстраиваться друг под друга. С одной стороны, вроде бы и неудобно, а с другой стороны, каждый из нас, в том числе, и дочери, учились заботиться и беречь своих близких, учились справляться со своим эгоизмом, учитывая потребности своих родных.

Вот и сейчас мои лапушки-девочки мышками прошмыгнули к себе, вслед за ними – муж. Его я всегда узнавала

по шагам, даже когда он только входил в подъезд, я уже знала, что хозяин идёт домой...

– Папа, а ты считаешь нам сказку? – услышала я детский вопрос, в котором слышалась надежда.

Читал ли папа дочкам сказку, я так и не успела узнать – опять растворилась в черноте забвения...

Утро пришло неожиданно быстро.

И очень болезненно. Ещё оставаясь с закрытыми глазами, я почувствовала, как ноет каждая мышца, каждый орган, каждая клеточка. Руки и ноги казались огромными, раздутыми, грудь, живот, спина ощущались отдельными частями, и каждая часть была просто неподъёмной. Захотела открыть глаза, и с большим трудом смогла их разлепить. Они превратились в узенькие щелки, на которые давили опухшие от слёз веки. Усилием воли соскребла свою стокилограммовую тушку с дивана и поползла в туалет. Сидя на унитазе, вспомнила вчерашние страсти и печально вздохнула:

– И чего было из мухи слона делать? Кому чего доказала? Только себе хуже сделала, – попеняло мне моё истинное Я. – А могла бы либо спокойно отнестись, либо вообще посмеяться, – продолжала рассуждать лучшая часть меня.

– Да в том-то и дело, что не могла. Не могу я спокойно смотреть, как мой муженек восхищается чудовищными обоями. Ими только гробы оклеивать, а не жилую комнату. Я вот не пойму, неужели и вправду тьмы не хватает понять, что они абсолютно никуда не годятся, – возмущенно ответила

моя другая часть, моё чрезмерно раздутое и обиженное Эго.

– А ведь муж действительно старался. Конечно, его вкус далёк от идеала. Но ведь и ты совсем не ангел. Вон какую истерику устроила. Мужа твоего чуть Кондратий не хватил. За девочками едва шёл – сердце прихватило, а ночью пару пузырьков валерьянки выпил. А ты всё со своими обидками носишься, как с писаной торбой, – не унимался голос совести.

– Да так ему и надо! – повысило голос возмущенное Эго. – Пусть на своей шкуре почувствует, как мне больно бывает от его дикой ревности и житейской глупости!

Диалог набирал обороты. А моё тело между тем проследовало в ванную и приступило к водным процедурам.

– Помнишь, чему тебя мама учила? – поинтересовалась совесть.

– Мама меня многому учила, – огрызнулось Эго. – Ты что конкретно имеешь ввиду?

– Да, я про то, что женщина, жена должна быть мягкой и покладистой, и мужа уважать, а не унижать, – как беспроектной тупице, терпеливо разъяснял голос истинного Я.

– А разве я его унижаю?! – воскликнуло возмущённое Эго. – Это он меня постоянно унижает! А я, я – хорошая жена и замечательная хозяйка, да и мама заботливая, – подумав, добавило Эго.

– Да вы стоите друг друга. Два сапога – пара! – твёрдо отрезало настоящее Я.

И только Бог знает, сколько ещё продолжалась бы эта перепалка, если бы не телефонный звонок.

Моя тушка, замотавшись большим махровым полотенцем, с трудом потащилась к аппарату.

– Алло, – сказала я в трубку.

– Привет, родненькая, – услышала встревоженный голос мужа. – Как ты жива?

– Да жива, нормально всё, – поспешно ответила я.

– Ох и перепугала ты меня вчера! Сам чуть Богу душу не отдал, – с горькой иронией признался супруг. – Знаешь, если ты хочешь другие обои, давай вместе поедем и выберем. И больше к этой теме возвращаться не будем. Идёт?

– Идёт, – охотно согласилась я.

– Ну вот и славно, – обрадовался муж. – Когда поедем? Сегодня или завтра?

Взглянула на себя в висевшее на стене зеркало. Одутловатое лицо, набрякшие веки и узкие щелочки глаз вмиг подсказали ответ:

– Давай завтра, хорошо?

– Завтра, так завтра, – услышала облегчённый вздох. – Ну ладно, услышал тебя, и слава Богу. До вечера. И будь умничкой. Целую тебя.

– И я тебя целую, – на автомате ответила мужу.

Положила трубку и подумала:

– А ведь и верно: два сапога – пара!

Глава 17

Спокойствие, только спокойствие!

Присела на диван и совершенно чётко почувствовала внутренний щелчок. словно кто-то перевел железнодорожную стрелку и направил скорый поезд моих мыслей по новому пути.

Если уж я твёрдо решила свести свои счёты с жизнью, то какой смысл во всех этих трепыханиях, страстях, слезах и соплях? Правильно – смысла никакого нет! Только напрасная трата времени и не таких уж больших сил больной и старой женщины.

Вслед за щелчком пришла простая и почти гениальная мысль.

Постараться остаток времени до ухода прожить спокойно, не растрачиваясь на ненужные переживания, выяснение отношений: кто кому за что и сколько должен; не накалять ситуацию до масштабов всемирной катастрофы, а добросовестно и качественно сделать ремонт, а между этим постараться так общаться и с дочками, и с мужем, чтоб после моей смерти у них остались самые светлые воспоминания о наших последних днях...

Мысль мгновенно стала почти осязаемой, превратилась

в сильнейшее намерение, и это позволило мне внутренне успокоиться и расслабиться, отпустить все тревоги и напряжение. И появились новые силы для завершения земных дел.

А дальше всё пошло, как по маслу: вместе с мужем съездили на базу, поменяли траурные обои на светлые и жизне-радостные, и я приступила к подготовительной части ремонта.

По моей просьбе Алексей отодвинул всю мебель от стен, чтоб можно было иметь к ним доступ. Мужа неожиданно вызвали в Сыктывкар, и он уехал в недельную командировку. Мне это было только на руку. После того, как девочки засыпали, я уходила в другую комнату, раскатывала обои на полу и разрезала их по заранее снятым меркам. Ставила цифры на каждом листе, чтоб было понятно, в какой последовательности их клеить. Эта работа продолжалась часов до двух, а то и до трёх ночи. На сон оставалось совсем ничего. Но меня это совсем не тревожило: я знала, что скоро усну вечным сном, а пока надо было поспешать...

И вот наступил день, когда я начала надевать новое ромашковое платье на стены одной из двух наших комнат.

С воодушевлением наносила обойный клей валиком на раскатанный лист, ощущая себя при этом великим художником. С таким же воодушевлением макала валик в клей и обкатывала им стены. А когда обойный лист пропитывался клеем, осторожно поднимала его, сначала становилась на табуретку, затем – на стол, и с удовольствием наклеивала лю-

бимые ромашки на стену. А потом брала следующий лист, подгоняя при этом рисунок и выравнивая обойные листы, стараясь скрыть горбатые стены и косые углы...

Клеить на относительно ровной стене было просто. А вот там, где встречались выключатели, розетки, я просто не знала, что делать, и спросить было не у кого. Приходилось экспериментировать, полагаясь на свою проснувшуюся интуицию и женскую смекалку...

Периоды резкого подъёма сменялись такими же резкими спадами. Силы практически мгновенно покидали меня, боли в низу живота бывали такими острыми, что приходилось ложиться и отдыхать, чтоб поскорей восстановиться для дальнейших подвигов. Я и уговаривала себя, и подгоняла, как могла. Мои усилия принесли вполне видимые результаты: первую комнату я закончила до возвращения мужа.

Глава 18

Отец-добытчик и дочери-капризули

Супруг вернулся в хорошем настроении, привез кучу подарков всем нам и, как всегда, полную сумку всякой снеди: дешёвые и вкуснейшие хрустящие сыктывкарские огурчики, выращенные в теплице мясистые розовые помидоры, несколько банок кофе (самый большой дефицит), и огромное количество колбасных палок разных сортов, и шоколадные конфеты для девочек.

Такое гастрономическое изобилие приятно порадовало меня: наше ежедневное меню станет гораздо разнообразнее, и я смогу фантазировать у плиты и готовить всякие вкусности без особой головной боли.

Надо отдать дань справедливости Алексею: даже во времена самого страшного дефицита он безукоризненно выполнял одну из своих основных мужских обязанностей – добывал пропитание для всей семьи и с гордостью тащил его в дом.

И я всегда пела ему хвалебные оды, поощряя такую заботу. А уж в каком восторге прыгала детвора, когда папа, как добрый волшебник, вытаскивал из сумок разные вкусняшки!

Девочки, обгоняя друг дружку, вешались ему на шею, целовали в слегка заросшие щетиной, щёки, и висели на нём, как две большие тряпочные куклы. А потом они начинали проверять – поровну ли у каждой конфет и прочих лакомств. И если у одной их было хоть на чуточку больше, другая поднимала такой рёв, что отец тут же прилетал, как на пожар, и наводил порядок – обиженной дочке в спешном порядке давал добавку.

И в это раз всё происходило, как всегда. Наташка не досчиталась одной шоколадки и взревела, как пожарная сирена. Не дожидаясь разгара пожара, Алексей поспешно вытащил из своих загашников и отдал ей недостающую шоколадину.

Любашка посмотрела на сладкую плитку и тихонько проговорила:

– А у меня такой нет... – и тоже заревела, обиженно хлопая носом.

Отец на мгновение растерялся, а потом его рука полезла в карман и достала оттуда голубую мечту всех детей того времени – конфету «Гулливер». Девчушка радостно её схватила и засунула в свою сумочку – про запас. От слёз не осталось и следа.

Наташка секунду помолчала, набрала воздуха и взревела, так, что у меня зазвенело в ушах.

– А мне «Гулливера»? Я тоже хочуууууу! АААААА! УУ-УУУУУ!

Отец растерянно смотрел на вопящую любимую дочку.

И опять его рука вытащила из кармана пиджака ещё одну конфету. На сей раз это была заветная «Белочка» с орешками. И всё повторилось по-новой. Теперь завопила младшенькая, взывая к справедливости.

Чтоб прекратить этот беспредел, я стала отчаянно делать знаки мужу, чтоб он дал им обеим сразу по одинаковой конфете. И он, слава Богу, понял меня. Сделал большие глаза, растопырил пальцы, произнес громко:

– Кара, бара, кара, бара.

Покрутился несколько раз, как волчок, повернулся спиной к нам, и судя по шороху, стал исследовать содержимое всех имеющихся карманов. В это время я постаралась отвлечь внимание девочек:

– Угадайте, что сейчас вам даст добрый волшебник?

И пока они молча думали, подняв глазки к потолку, вспотевший от напряжения папка повернулся к нам лицом, держа в каждой руке по большому красному петушку на деревянной палочке.

– Ура!!! – почти одновременно вскричали девочки, забирая каждая свой леденец.

– Ну, а теперь пора и поужинать, – с облегчением произнес уставший отец. – Давайте-ка, козюли, мойте ручки да маме помогите на стол накрыть.

Дважды повторять не пришлось: девочки с воплями поспешили в ванную, а муж – в комнату: переодеться.

Вернувшись на кухню, девочки облачились в красивые маленькие фартучки, взяли каждая по маленькой деревянной досочке, и, расположившись на своём детском столике, стали старательно нарезать свежие огурчики на салат.

Всё их внимание было полностью поглощено самим процессом: они с явным удовольствием вдыхали запах свежести, их детские взоры были прикованы к дольке огурца, распластанной на доске и уменьшавшейся с каждым прикосновением ножа; они слушали хруст нарезаемых огурцов, часто просили меня посмотреть на их работу, ожидая одобрения и похвалы. Видя такую старательность, и невзирая на просыпанные на пол кусочки, я одобрительно улыбалась и кивала в знак поддержки.

– Да вы ж, мои умнички! Поварятки вы мои маленькие, – восхищенно говорила я, глядя с любовью в их светящиеся радостью глазёнки.

Общими усилиями салат вскоре был готов. От каждой палки колбасы отрезала по кусочку и красиво раскладывала на отдельной тарелке.

А девочки тем временем протирали свой столик, готовые его накрывать. Любашка сама взяла веник и подмела пол, очистив его от упавших крошек. А тут и отец подрос. И мы троём почти хором попросили его нарезать хлеб. Мы с девочками считали, что хлеб, разрезанный мужчиной, а точнее, нашим папой, намного вкусней, чем если бы его резала мама.

Чинно расселись каждый по своим местам. Мы с Алексеем – за большим столом, девочки – за маленьким. И пожелав друг другу приятного аппетита, приступили к трапезе.

После нескольких минут молчаливого вкушения пищи, стали обмениваться своими новостями за последнюю неделю. Девочки интересовались, что папа так долго делал в Сыктывкаре, и с интересом слушали его рассказ и про город и про те дела, ради которых он туда полетел. А потом папа слушал рассказы дочек о последних важных событиях их такой интересной детской жизни. И в конце, как это часто бывает, Наташа и Любаша одновременно сказали:

– А наша мама комнату отремонтировала! Теперь там так красиво ромашки на стенах цветут!

Алексей довольно посмотрел на меня:

– Да, я уже видел. Наша мама – на все руки мастерица! Теперь смотрите, больше на стенках не рисуйте! – и нарочито серьёзно погрозил им пальцем.

– Не, не будем, папочка. Ты же нам альбомы подарил. Мы в них будем рисовать, – за двоих ответила бойкая Наташка.

– Вот и ладненько, – удовлетворенно ответил ей отец.

Глава 19

Смертельные фантазии

Ремонт второй комнаты продвигался медленно и уверенно.

Кое-что помогал муж, но в основном вся работа делалась мною.

И чем ближе приближался её завершение, тем чаще я возвращалась к мысли о том, как же красиво покинуть этот бренный мир.

Решила подойти к вопросу со всей серьёзностью: как-никак это будет мой прощальный выход, а вернее – уход. А уходить, как известно, надо красиво.

И чтоб никто не чувствовал себя виноватым.

И поэтому нам нужен несчастный случай или нелепая случайность.

Вот сейчас, во времена Интернета, всё гораздо проще: там тебе по полной программе выдадут сто и один способ как распрощаться с жизнью, и при этом посмертно сохранить лицо.

А в те далекие времена приходилось шевелить мозгами, фантазировать, искать и решать. И всё самой.

Поскольку тема была более чем деликатная, я не могла ею ни с кем поделиться, не могла спросить совета. Вот и пари-

лась, как могла. Даже разработала собственную систему:

- смерть от воды (или в воде);
- смерть от огня (в том числе, и огнестрельного);
- уход с помощью ножа, лезвия и других острых предметов;
- различные отравления;
- несчастный случай, как то: под колёсами машины; падение из окна, нечаянное повешение (как это было с Айсидорой Дункан). Помните, она была задушена своим любимым красным шарфом, внезапно намотавшимся на колесо автомобиля, в который она села, чтобы ехать к славе...

И когда я стала в порядке очередности представлять, как это будет выглядеть, я всё больше разочаровывалась, так как красивого способа склеить ласты долго не смогла обнаружить. Ну посудите сами, взять хотя бы смерть от воды.

Первое, что приходит в голову, это пойти на речку (благо, она в пяти минутах ходьбы от дома) да и утопиться.

Куда ни шло, думала я: вода в реке более-менее тёплая, не то, что зимой: захочешь утопиться, и не хватит духа нырнуть под лёд. А ведь надо будет ещё и прорубь вырубить или на худой конец, найти.

Так что с этой стороны топиться летом – легко и просто. А вот с другой стороны... Это ведь вода хлынет в лёгкие, наверное, это будет больно. А боли я патологически боюсь и с трудом переношу. Уже отпадает.

А если подумать, что наверняка меня найдут не сразу,

и за это время тело успеет набухнуть и ещё больше растолстеть, начнёт отслаиваться кожа, в волосах поселятся речные насекомые...

Хищные рыбки и рачки начнут потихоньку отщипывать кусочек за кусочком от моей брэнной плоти... А если часом трупик волны вынесут на берег, тогда есть большая вероятность, что бродячие голодные собакевичи или другие голодные зверушки разделают меня по частям и изничтожат, себе на радость. А ведь есть ещё и мухи, которые любят селиться под веками мертвецов, и очень скоро там начнут ползать скользкие черви. Представив всю картину в мельчайших деталях, решительно отмела этот вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.